

Сноха

Автор:

Виктория Волкова

Сноха

Виктория Борисовна Волкова

Говорят, запретный плод сладок. Вадиму Косогорову, известному пластическому хирургу, пришлось лично убедиться в этом. И угораздило ж его влюбиться в сноху, когда любую другую бабенку помани, тут же прибежит сломя голову. А Ольга... Сноха. Вдова сына. Невыносимо желанная и такая же недостижимая. Совершенно неподходящая женщина. Но стоит ей поселиться в доме Косогорова, как размеренная жизнь летит в тартарары. А когда все тайны и секреты снохи выплывают наружу, Вадим понимает, что налажал по полной.

Виктория Волкова

Сноха

Глава 1

Вадим

– Она возвращается, – заявляет с порога Емельянов, мой главный безопасник.

– Одна? – внутренне вздрагиваю я, мгновенно поняв, о ком идет речь. Я лишь на минуту отвлекаюсь от рентгеновского снимка. – Подожди, Владимир

Васильевич, – морщусь, кивая на стул. А сам снова вглядываюсь в четкие линии носа после ринопластики. Никакой бульбы на кончике! Отличный результат!

Да, я тот самый доктор Косогоров! Известный в стране пластический хирург. Леплю из дурнушек красавиц. Могу снабдить шикарным бюстом и плоским животиком. Но, что ни говори, исправлять носы, уродующие своих хозяек, мне нравится больше всего. Это поэзия. Творчество, когда хирург уподобляется скульптору. Чуть-чуть исправить то, где слегка нажала мать-природа.

– Красиво сработано, – хвастаюсь снимком перед Емельяновым. Он вообще ничего не понимает ни в пластике, ни в медицине. Зато исправно несет службу. – Гляди, какой носик! Между прочим, убрать каплю на кончике – самая сложная операция, – довольно хмыкаю я и бросаю с неохотой: – Ну, что там у тебя, Васильич?

Емельянов, толстый румяный жизнерадостный мужик, придвигает ко мне папку с документами и фотографиями и бодро рапортует:

– Она возвращается, Вадим Петрович...

– Я расслышал с первого раза, – прерываю я. – Кнопка «повтор» заела? – спрашиваю чуть раздраженно. Настроение испортилось, стоило моему ВэВэ сказать два заветных слова: «Она. Возвращается!».

Слишком долго я ждал этого дня и даже уже перестал надеяться. Думал, эта гадина так до конца жизни и останется в Эдинбурге. Ан нет, принесла нелегкая на родину. Жить в одном городе... Дышать одним воздухом... с той самой женщиной, что разрушила жизнь моего сына. Можно, конечно, придумать тысячи отговорок. Поверить результатам следствия. Представить, как столбы перебегают дорогу и сами врезаются в одинокого мотоциклиста, на всех скоростях мчащегося по трассе дождливым вечером. Но мне хватает заключения судмедэксперта: травмы, несовместимые с жизнью. Следствие так и не установило, куда и зачем неся Кирилл в свой последний день. О чем задумался, когда не вписался в поворот?

Гибель единственного сына для меня, отца-паразита, не прошла бесследно. Что уж говорить о Галке, моей первой жене и матери Кирилла...

– Найди внука, умоляю, – попросила она меня после похорон. – Никого ведь кроме него у нас с тобой не осталось.

– А может, ребенок не от Кирилла? – усомнился я, прекрасно зная, что представляет собой жена сына – блудливая девка с ангельским личиком.

– От него, – сквозь слезы прошептала бывшая жена. – Как только ребенок родился, Кирилл потребовал провести экспертизу. Очень высокий результат. Девяносто два процента из ста. Хотел платить алименты, но эта дрянь отказалась. Даже видаться с ребенком не позволила.

«Сколько сейчас Роберту? – задумываюсь я и сам себе отвечаю: – Четыре года». За все это время я видел внука только на сделанных исподтишка фотографиях. Что произошло между Кириллом и Ольгой, я не знаю. Но, как оказалось, дамочке совершенно чужды моральные принципы. Наверняка мой сын поймал ее на горячем и выставил вон.

Честно говоря, мне нет дела до того зоопарка, когда самка норовит выбрать сильного партнера и зачать от него потомство. Эволюция шагнула далеко вперед, но, видимо, не коснулась некоторых давалок, прыгающих из одной постели в другую.

Я напряженно всматриваюсь в тонкое идеальное лицо и, как пластический хирург, не нахожу в нем изъяна. А как нормальный мужик чуть за сорок, немного завожусь от вида красавицы. Высокая грудь, тонкая талия и доброе наивное личико. Длинные светлые волосы откинута чуть назад, а зеленые глаза уверяют всех и каждого, что их хозяйка просто не может врать. Соврала... Изменила... И увезла ребенка в страну с серьезным визовым режимом. Я внимательно разглядываю внука, идущего рядом с матерью и о чем-то довольно болтающего. Тут и без всякой экспертизы понятно, что это маленький Косогоров.

«Роберт... – прячу я тяжелый вздох и снова разглядываю его мать. Замечаю уверенный взгляд и понимаю, что уговорами и деньгами решить ничего не удастся. – Нужно сразу брать быка за рога».

– Почему она возвращается? – спрашиваю у Емельянова. – Думал, мы эту стерву вообще никогда не увидим. Мне кажется, она должна догадаться, что я взыщу с нее по полной.

– Прилетает завтра, – бубнит Емельянов. – Рейс в двадцать два тридцать. Отправить парней? Пусть проследят, где устроится?

– Нет, – морщусь я недовольно. – Мне надоело играть в кошки-мышки. Сам встречу.

– Но... – блеет Емельянов, – вы рискуете, Вадим Петрович...

– Нет никакого риска, – криво усмехаюсь я и потираю лоб от внезапно начавшейся головной боли. – Я безумно рад приезду снохи и внука. И, конечно же, лично смотаюсь в аэропорт. Даже цветов куплю по дороге.

– А-а-а, – тянет ничего не понимающий Емельянов.

– Не мычи, – бросаю устало, – а лучше подумай, как обеспечить поддержку. Наша мадам должна сразу понять, что шутки закончились.

– Сделаем, – легко отмахивается ВэВэ.

– Я не сомневаюсь в твоих талантах, – замечаю с сарказмом. – Времени мало, Владимир Васильевич. Займись подготовкой. Только, самое главное, не испугайте ребенка.

Емельянов кивает, понимая, что задание усложнилось в тысячу раз.

– А потом... – интересуется ошалело. – Из аэропорта куда едем?

– Ко мне, – улыбаюсь я довольно. – Мой внук должен жить со своей семьей и получать надлежащее воспитание. И так много времени упущено.

– А если эта... Ольга... воспротивится?

– Кто бы ее спрашивал, – хмыкаю я. – Не согласится, и хорошо. Пусть чешет по холодку на все четыре стороны. Одна. Без ребенка...

С огромным букетом белых роз наперевес я приезжаю в аэропорт загодя. Времени целый вагон. Но мне интересно осмотреться по сторонам. Кто еще явится встречать нашу кралю? Обеспечила ли она себе защиту? Догадалась ли, что ловушка вот-вот захлопнется? Мутным взглядом я смотрю на табло. Полчаса до прибытия рейса. Можно выпить кофе в выгороженном белым заборчиком кафе.

Правда, меня мутит. Опять смотреть в огромные честные глаза и понимать, что тебе лгут.

«Пытаться договориться с гнусью – дурацкая затея», – криво усмехаюсь я и заказываю смузи с черникой. Медленно потягивая напиток, пялюсь на толпу. Лениво высматриваю своих и Пироговских безопасников, изображающих из себя глупых зевак. Но, как ни крути, их видно сразу. По выправке и особому колющему взгляду. У меня доверенных лиц мало, да я и не авторитет какой-нибудь. Вот и пришлось попросить помощи у Игоря Пирогова, старинного друга моего отца. Тот серьезный мужик. Владеет в городе всем, что движется и не движется. Да и служба безопасности у него на высшем уровне.

В кармане вибрирует сотовый. Мой Емельянов решил руководить операцией дистанционно.

– Да, – усмехаюсь я. – Что-то непредвиденное?

– Гена мне сейчас звонил, Вадим Петрович, – бурчит он важно. – Говорит, что засек в аэропорту парочку бойцов Левы Шевелева. Львята, твою мать. Вроде как смотрели прибытие нашего рейса.

– Я понял, – коротко бросаю я и снова беспечно прошупываю глазами толпу. Но разобрать, кого именно прислал Шевелев, не могу. Лишь встречаюсь взглядом с Геной Селищевым одним из моих телохранителей. Он осторожно косится в сторону невысокого парнишки, похожего на подростка. Как опытный врач, я отмечаю крепкие мускулы, спрятанные под неброской джинсовой курткой.

«Внешность обманчива. Такой и кулаками забить сможет, – мысленно морщусь я, замечая сильные развитые ноги и холодный, почти не мигающий взгляд. – Вот и тебя срисовали, – усмехаюсь сам себе. – Но я ни от кого не прячусь. Встречаю родственников и радуюсь жизни».

Можно, конечно, позвонить Левке и узнать, за каким хреном приперся в аэропорт его орел.

«Зал прилетов, – читаю я бегущую строку, расположенную на стене напротив. – Вот и птицы слетаются, твою мать, – хмыкаю я, не собираясь никому звонить. Пусть Шевелев трижды авторитет, но и из его морщинистой задницы мне приходилось по молодости доставать пули. Штопать его самого и приближенных. Но, во-первых, прошли годы, превратившие криминального бригадира в солидного бизнесмена, а во-вторых, статус обязывает меня держаться подальше от подобных типов. А если и общаться, то только через посредников. – Но неужели Она как-то связана с самим Лево́й? Спала с ним? Или вот с этим зыркающим по сторонам парнем?» – задумываюсь я лишь на секунду. Слышу оповещение о прибывающем рейсе и, взяв цветы, не спеша бреду к месту выдачи багажа.

Ольга с Робертом выходит одной из первых. Длинные волосы собраны в хвост, бледное лицо, джинсы, майка. Очередная дерганая мамаша, прилетевшая с ребенком из-за моря. Я наблюдаю издалека, стараясь понять, у кого моя прекрасная сноха могла попросить помощи. Замечаю, как к ней направляется Левкин боец, и делаю решительный шаг вперед. Как ни в чем не бывало вручаю цветы и по-родственному целую в щеку.

И тут же сам себе хочу двинуть по лбу или по заднице. Эта женщина до сих пор действует на меня как магнит. Когда мы виделись в последний раз? Вспомнить нетрудно. Примерно через три месяца после их с Кириллом свадьбы. Торжественное мероприятие я пропустил, сославшись на командировки, из которых не вылезал. А сам укатил на Ибицу. Лучше уж оттянуться на пенных вечеринках, чем буровить какую-то чушь про счастье молодых и прыгать в мешках.

– Здравствуй, Оля, – улыбаюсь я самой благодушной из улыбок. И чувствую, как в штанах становится тесно. Хорошо хоть длинный свитер прикрывает восставшее безобразие.

– Здравствуйте, – бормочет она, явно не ожидая увидеть меня так скоро. – А откуда вы узнали о нашем приезде?

– В новостях передавали, – криво усмехаюсь я, вытаскивая из холодных пальцев багажные квитанции. – Гена, – поворачиваюсь к собственной охране, – заberi чемоданы, пожалуйста...

– А вы кто? – требовательно интересуется маленький мальчик в очках и с мишкой в руках.

Я усаживаюсь на корточки, радостно смотрю на умненькую любопытную мордашку и, улыбаясь, говорю:

– Я – твой дедушка, Роберт.

– Мама, мама, – тербит малыш Ольгу за руку. – Это правда мой дедушка? Правда?!

– Да, милый, – напряженно улыбается моя сноха. – Ты же Косогоров. Вадим... Петрович – твой родственник, – нехотя объясняет она и смолкает на полуслове, будто забыв мое отчество.

– Это хорошо, – солидно кивает малыш. – А ты мне привез подарок, дедушка?

«Твою мать, – рычу я про себя. – Бабе – цветы, а детям – мороженое!» Забыл, эгоист хренов. Или не знал. Я давным-давно не имел дела с детьми и особо не вникаю в их потребности.

– Конечно, Роберт, – вру я, не поморщившись. – Просто я не стал тащить его в аэропорт. Тут же чемоданы, тележки... сам понимаешь, что могут поломать по неосторожности...

– А что ты мне купил? – хитро осведомляется мой внук. – Машинку? Или велосипед?

– Сам увидишь, – довольно хмыкаю я, поднимая ребенка на руки. – Мы с тобой подружимся, Роберт, – заявляю весело и с трудом стараюсь игнорировать Ольгу. Хотя больше всего на свете хочу ворваться к ней в рот требовательным поцелуем. Застолбить, пометить, назвать своей. Но нельзя... Опасно связываться с лживыми людьми. А с проститутками – тем более. Ольга Косогорова преуспела

и в том, и в другом.

– Багаж весь забрали? – спрашиваю женщину, которую хочу и ненавижу одновременно.

– Да, – кивает она, осматривая чемоданы в руках охранников. – Все взяли.

– Тогда поедem, Оля, машина ждет, – заявляю непререкаемым тоном. Держу внука в одной руке, кладу другую на плечи снохе. Она не сбрасывает мою ладонь, но напрягается вся, словно пружина. Понимаю, что ей, должно быть, неприятно. Но какое мне дело до ее чувств?

– Куда вы нас собираетесь отвезти? – спрашивает Ольга по пути на парковку и выжидательно смотрит зелеными глазами, больше напоминающими озера.

– Домой, – подергиваю я плечами и, усадив внука в детское креслице, помогаю его матери сесть рядом. А захлопнув дверцу, подхожу к Генке.

– Смотайся в круглосуточный супермаркет. Купи пацану железную дорогу или машину, – прошу я, протягивая карту оплаты. – И постарайся приехать раньше нас.

– Не волнуйтесь, шеф, – хмыкает заговорщицки мой телохранитель и садится во вторую машину.

И как только я занимаю место рядом с водителем, мой Гелендваген срывается с места.

Едем мы в тишине. Я отвлекаюсь, давая Генке указания по Ватсапу, малыш дремлет, опустив голову. Его мамаша, по всей видимости, тоже. Только на подъезде к моему коттеджному поселку Ольга спохватывается и возмущенно сипит:

– Куда вы нас везете, Вадим Петрович?

– Домой, Оленька, – криво усмехаюсь я. – Домой, милая.

– Мой дом в другой стороне, – отрезает она негодуя.

– А мой в конце квартала, – равнодушно объясняю я, даже не повернувшись.

– Да как вы смеете, – возмущенно выдыхает она. – Сейчас же остановите машину...

– Миша, притормози, – велю я водителю, вглядываясь в тусклые фонари и знакомые заборы. – Леди хочет выйти.

– Вы с ума сошли, – вскрикивает она. – По какому праву...

– По праву сильного, – роняю я равнодушно. – Без спектаклей, пожалуйста, – добавляю, когда Гелендваген въезжает во двор. – Завтра решим все мирно и спокойно. Поняла?

– Да, – шипит она словно кобра.

Как только мой Гелик замирает около крыльца, я выскакиваю из машины и, обежав вокруг, достаю из детского кресла внука. Поднимаюсь по ступенькам и краем глаза отмечаю, что Ольга не отстает. Несется следом, позабыв про цветы и чемоданы. Я вношу Роберта в холл и сразу же натыкаюсь на встревоженную Галку.

– Вадечка, – плачет моя бывшая жена, – ты нашел его. Спасибо тебе. Маленькое солнышко, – лепечет она, глядя на спящего ребенка и растирая слезы по лицу.

– Не реви, Галка, – довольно хмыкаю я, поднимаясь с Робертом на второй этаж. Укладываю его на широкую двуспальную кровать и только сейчас поворачиваюсь к Ольге.

– Располагайся, – бурчу недовольно. – Это ваша с Робертом комната. Пока. Рядом сделаем детскую. Если что-то нужно, скажи.

Ольга смотрит возмущенным взглядом, всем своим видом выказывая негодование. Но когда бы меня интересовало чье-то мнение?

– Вы очень любезны, – едко замечает она, не двигаясь с места. Я смотрю на ее напряженную, будто струна, фигуру, на руки, сложенные под грудью, отчего сиськи кажутся больше. Поднимаю глаза выше и сталкиваюсь с испепеляющим взглядом. Больше всего мне сейчас хочется завалить эту красавицу в койку и самым древнейшим способом объяснить ей, где ее место. Но приходится держать себя в руках из-за спящего внука и его бабки, похожей на енота. Тушь размазана под глазами и растерта до самых висков.

– Ты бы умылась, а то испугаешь ребенка, – на ходу бросаю я, стремительно выходя из комнаты.

– Конечно, Вадечка, – соглашается жена, но, стоит мне выйти, сразу дает совет нашей невестке: – Не вздумай спорить с Вадимом Петровичем, Оля. И никогда не показывай ему своей заинтересованности. Так хоть есть вероятность, что получится по-твоему. А если он узнает о твоих мечтах и надеждах, обязательно обломает.

– Почему? – обалдело спрашивает Ольга.

– Такой человек, – вздыхает Галка.

Я слетаю по лестнице и от ярости готов стукнуть кулаком по стене. Со всей дури разбить штукатурку вдребезги. Но нельзя... Руки, твою мать. С садинами и порезами нельзя оперировать. Да и травмировать свои золотые пальцы из-за двух идиотов явно не хочется. Я захожу в кабинет, рядом с которым топчется Гена, и, усевшись за стол, пытаюсь выровнять дыхание.

– Что купил? – интересуюсь лениво.

– Железную дорогу, – хмыкает Генка и серьезно заявляет: – Этот хмырь из Шевелевских никого не встречал. Пошел следом за вами. А потом позвонил самому Леве. Один из Пироговских пацанов слышал, как он в трубку сказал: «Лев Сергеевич, я даже не смог подойти!». И, кажется, срисовал номера нашего Гелика.

– Значит, Лева-Шевелева позвонит на днях, – киваю я, совершенно не подозревая, в какой переплет угодил. – Оля, девочка, во что же ты вляпалась? – подавляю я утробный вздох. Мое воображение тут же рисует худую фигуристую

девицу в объятиях Шевелева. «Сноха, твою мать, – рычу я про себя. – Есть ли мужики, кому ты отказала?!»

Глава 2

Ольга

Ночью в чужом доме я даже не пытаюсь заснуть. Все ворочаюсь с боку на бок, еще раз прокручивая сцену в аэропорту. Честно говоря, я могла бы и увернуться от неискренних объятий свекра. Вызвать такси и поехать сразу домой. Но среди встречающих мелькнул один неприятный тип, явно явившийся по мою душу. А так как в совпадения я не верю, то решила не рисковать.

«Ничего, – думаю, проваливаясь в зыбкую дрему. – Завтра утром уеду к маме. Спасибо свекру, что встретил, но пора и честь знать. Наверняка они с Галиной захотят видеться с Робертом. Я не стану возражать, прекрасно понимая, что мой ребенок интересен только бывшей свекрови. Да и то первое время. Самому Косогорову даже собственный сын был до лампочки. Но он наверняка выдвинет какие-то требования и условия, – сквозь навалившийся сон отмахиваюсь я от глупых переживаний. – Война план покажет. Зачем заранее себя накручивать?»

– А почему Роберт такой бледный? – придирчиво спрашивает Вадим Петрович за завтраком. Настороженно косится на моего сына, затем снова смотрит на меня сурово. Если честно, я ненавижу этого человека. Терпеть не могу его самодовольную морду, взгляд победителя и замашки плейбоя. Такие, как мой бывший свекор, идут по жизни играючи, и плевать, если под ногами попадают чьи-то головы. Мнение Вадима Петровича всегда правильное и обсуждению не подлежит. Если дал барин команду «исполнять!», то холопам спрашивать не велено. Я исподтишка плююсь на Косогорова. Смотрю на длинные красивые пальцы, как у музыканта. Крупные сильные руки завораживают, притягивают внимание. Перевожу взгляд на широкие плечи, поднимаясь чуть выше. Худое лицо. Слегка впалые щеки, покрытые трехдневной щетиной и негодующие серые глаза, воззрившиеся на меня с немым укором.

– Ольга, – приводит меня в чувство свекор. – Я задал тебе вопрос.

– Думаю... – пожимаю я плечами. – Все в порядке... наверное.

– Ты очень легкомысленно подходишь к здоровью сына, – глухо бросает он. – Так... завтракайте побыстрее. Поедем вместе в клинику. Сразу пройдете комплексную диагностику. Ты тоже...

– Я ничем не болею, – пожимаю я плечами, но понимаю, что отвертеться не получится. Если Косогорову пришло в голову погнать меня на обследование, то противиться нет смысла. Вадим Петрович все равно заставит. Козел...

– Вот вместе и убедимся в этом, – отрывисто замечает он, не давая мне шанса отказаться. – Я – занятой человек, Оля, – сообщает всем известный факт. Даже за границей меня спрашивали, не прихожусь ли я родственницей этому типу. Знаменитость, блин.

– Хорошо, – киваю я. – Пока есть время, можно и сдать, – соглашаюсь нехотя. – Надеюсь, это не долго. Мне нужно к маме, – добавляю непринужденно. – Она меня вчера ждала, но вы так технично доставили нас к себе.

– Ну, ты же им позвонила? – весело отмахивается Галина, сидящая рядом с бывшим мужем, и довольно накладывает на тарелку сыр и салат с рукколой. Родители Кирилла совершенно разные люди. Высокий, подтянутый Косогоров не идет ни в какое сравнение с маленькой пышкой Галиной. За наш короткий брак с Кириллом я убедилась в ее отзывчивости и мудрости. Просто идеальная мама. В меру добрая, в меру чуткая. Ни разу не позволившая себе даже словом обидеть меня. Она трудится в районной поликлинике неврологом. Пьет чай с плюшками и особо не вникает в проблемы пациентов. Бывший муж до сих пор обеспечивает все ее хотелки. Поэтому работу Галина Андреевна воспринимает как своеобразный клуб общения. Чего не скажешь о самом Косогорове. Этот тип идет по головам и трупам к заветной цели. Кто еще пять лет назад слышал о его клинике? Просто талантливый хирург в лучшей больнице города, который, наплевав на семью и близких, делал карьеру во все лопатки. Зарабатывал большие бабки и водил дружбу с сильными мира сего. По сути, у Кирилла и отца-то не было.

– Оля, – мягко выдергивает меня из размышлений Галина.

– Да, конечно, – устало вздыхаю я. Моим свекрам не понять, как можно ждать дочку и внука, готовиться к их приезду, а вместо этого получить лишь утешительный звонок. Объяснять Косогоровым я ничего не намерена. Нужно умудриться вырваться из этой золотой клетки и умчаться к себе. Залезть раны оскорбленного самолюбия, подумать, как быть дальше. А Вадим Петрович пусть до одури читает результаты наших анализов. – В моей семье проблемы. И мне пришлось специально приехать, – пытаюсь объяснить я, стараясь сохранить душевное равновесие. – Мы, конечно, благодарны вам за встречу и гостеприимство, но теперь нам нужно домой...

– Какого сорта проблемы? – резко бросает Косогоров и, очищая вареное яйцо, сначала смотрит на меня, потом кивает на Роберта, старательно доедающего кашу. – Ему яйцо можно? Нет аллергии?

– Да вроде нет, – бубню я, уже ощущая себя никудышной матерью. Наблюдаю, как Вадим Петрович протягивает очищенное яйцо Роберту.

– Будешь? – спрашивает, непринужденно улыбаясь. Малыш кивает и тут же загребаёт пятерней яичко из рук Косогорова.

– Наша порода, – довольно усмехается Вадим Петрович. – Сказано, мой внук.

Честно говоря, мне хочется надеть ему на голову тарелку с кашей или заткнуть рот румяным пирожком, испеченным поварихой к завтраку. Ну, или просто пнуть башкой в салат с рукколой и кедровыми орешками. Сделать хоть что-то, лишь бы стереть с лица бывшего свекра самодовольное выражение.

«Да ты моего ребенка только вчера вечером впервые увидел!» – хочется заорать мне. Но приходится сдерживаться. Я оглядываю столовую, больше похожую на операционную, поднимаю глаза к потолку и невольно засматриваюсь на хрустальную люстру, место которой явно в концертном зале, а не здесь. Хотя в уютной столовой Косогорова поместилась бы запросто мамина квартира.

– Ольга, – глухо рычит Вадим Петрович. – Ты не партизанка, а я не из гестапо. Будь добра отвечать сразу. Или такой простой вопрос ставит тебя в тупик?

– Повторите, пожалуйста, – с улыбкой переспрашиваю я. Изображать полную дуру я не собираюсь. Зная гада, сидящего напротив и жующего финики, я

прекрасно понимаю, что он может объявить меня невменяемой. С его-то связями!

– Какие у тебя проблемы? – хмуро повторяет он и внимательно смотрит на меня, будто ищет подвоха в каждом моем движении.

– Бабушка упала на улице. Ее толкнули. Нога срослась неправильно. Она не может ходить. Нужно заново делать операцию. А мама одна не справляется. С работы ее уже не отпускают, грозят увольнением. А с бабулей сидеть надо. Хотя бы первое время после операции. Сиделок она не подпускает на пушечный выстрел.

– Что за перелом? Привези мне снимки, – велит он, реагируя на ходу. – Кто оперировал? И почему сразу не обратились ко мне? Галина? – выжидательно смотрит на бывшую жену.

– Я ничего не знала, Вадечка, – поспешно заявляет она, важно складывает губки бантиком и отмахивается пухлой ладошкой, словно изгоняя нечистую силу.

– Странно, – морщится Косогоров. – Тебе, наверное, проще и дешевле прилететь из Шотландии, чем снять трубку и позвонить Галине Андреевне. Мы бы помогли, Оля, – с кривой усмешкой замечает он и, откинув в сторону салфетку, встает из-за стола. Нависает над моим стулом, всем своим присутствием давая почувствовать его превосходство, а заодно заставляя ощутить себя букашкой и полным ничтожеством.

– Мне нужно сделать пару звонков. Это займет минут сорок. У тебя будет время доесть и собраться. В девять тридцать встречаемся в холле, – заявляет он и, даже не поинтересовавшись моим мнением, лениво направляется к выходу.

– А если я приду позже? – спрашиваю я с вызовом вслед, запоздало понимая полнейшую бесполезность дурацкой бравады.

– Поедешь в халате, – отрезает на ходу свекор. – Я никого не жду. Заруби это себе на носу.

– Мне нужно жить на Оборонной, – бросаю ему в спину совершенно нейтральную фразу. Но сейчас она звучит как вызов. Акт неповиновения, твою мать.

Вадим Петрович медленно разворачивается и лениво подходит ко мне.

– Запомни, девочка, – говорит он вкрадчиво, наклонившись и чуть сминая мое плечо крепкими пальцами. – Ты вообще-то можешь поселиться где угодно. Хоть в Нигерии. Меня твоя жизнь не касается. Но мой внук останется здесь. И тебе решать – согласиться со здравым смыслом и дать ребенку все самое лучшее или отчалить куда подальше. Ты, надеюсь, отдаешь себе отчет в происходящем. Понимаешь своей дырявой башкой, кто я и кто ты? Отсудить у тебя ребенка, дорогая, вопрос денег. Да и то небольших. Но это обернется для малыша психологической травмой. Поэтому я предлагаю тебе приемлемый вариант. Ты с сыном живешь в моем доме. А мы с Галиной принимаем участие в воспитании Роберта. Никто не собирается разлучать вас. Но после гибели Кирилла он – единственное, что у нас осталось. И я настроен решительно. Но окончательный выбор за тобой, – еле слышно шипит он прямо мне в ухо.

Я кошусь на Роберта, жующего пирожок и запивающего его чаем. Мой сын ест и одновременно наблюдает за кошкой, лежащей на подоконнике. И, кажется, ничего не слышит. А меня пробирает дрожь. От этого зловещего шепота и руки, несильно сдавливающей мое плечо, становится не по себе. Хочется сжаться в комок и стать невидимой. А от запаха чистого тела и какого-то геля с цитрусовой отдушкой где-то внизу живота возникает тягучее желание, но я немедленно прогоняю его, заставляя себя прислушаться к каждому слову свекра.

– Не желаю сейчас останавливаться на тех причинах, по которым ты увезла ребенка от нас и не давала видаться. Бог тебе судья, Ольга, – болезненно поморщившись, изрекает Косогоров. – Мне не интересно, какого хрена тебя носило в Эдинбург. Одно знаю точно, захочешь рыпнуться, мало не покажется, дорогая. Я и так долго терпел. Поняла? – сурово рыкает свекор в надежде сломить меня. Но я прямо смотрю в недобрые глаза цвета стали и цежу сквозь зубы:

– С трудом.

– И на том спасибо, – светски кивает он и показывает на часы на запястье. Ролекс в платине. Кажется, коллекционный выпуск. – Ровно в половине десятого, – стучит по хрустальному циферблату.

– Хорошо, – киваю я и, как только хозяин дома выходит из столовой, отодвигаю тарелку с недоеденной кашей.

– Доешь, – вздыхает Галина. – Силы тебе понадобятся.

– Я ни с кем воевать не собираюсь, – говорю я, наливая себе чай.

– Ну и правильно, – снова вздыхает свекровь. – Ты Вадику все бабушкины заключения и снимки отдай. Он позвонит кому надо. Прооперируют в лучшем виде.

– Там очередь, – бурчу я и, изловчившись, достаю из ладошки Роберта надкусанный пирожок, которым мой сын пытается приманить кошку.

– Матильда не ест такое, родненький, – воркует Галина, умильно глядя на малыша.

– А что она кушает? – спрашивает Роберт, высматривая еду, лежащую на тарелках и блюдах.

– У людей своя пища, у котов своя, – поясняю я, вставая из-за стола. – Мы сейчас с дедушкой съездим по делам и вернемся, – говорю я, смутно представляя, как можно у здорового ребенка просто так взять кровь из вены.

– Слишком Робинька бледный, Оля, – бормочет Галина. – Вадик никогда не ошибается. Если погнал в клинику, значит, что-то выплывет обязательно. Лучше предусмотреть заранее и пропить витамины, чем потом в больнице лежать.

Вот тут я готова согласиться. Если наш добрый дедушка проведет хоть мало-мальски важную диагностику, я возражать не стану. Только можно все обсудить заранее, а не гнать, понукая, словно скотину в загон.

Уже у себя в комнате я смотрю на свое отражение в зеркале. Вытаращенные от страха глаза никого не красят. Открытый рот и выбившиеся из хвоста волосы тем более. Мне хватает и получаса, чтобы из лахудры превратиться в красавицу. Надеваю на Роберта чистый костюмчик и выхожу с сыном в холл. И жду еще полчаса, пока Вадим Петрович Косогоров соизволит явиться. В ужасно дорогом костюме и с айфоном в руке, он быстро спускается с лестницы и, прихватив из кресла черный портфель от Луи Виттона, направляется к выходу.

– Прости, я опоздал, – пробегая мимо, сообщает он без тени раскаяния в голосе. Мне ничего не остается, как схватить Роберта за ручонку и семенить следом.

Свекор деловито подходит к цвета воронова крыла Мерсу. Намытая и отполированная машина отливает на солнце перламутром. Вадим Петрович открывает заднюю дверцу, поджидая нас с Робертом. И как только я усаживаю ребенка в детское креслице, обходит машину с другой стороны и садится за руль.

Я плюхаюсь на заднее сиденье рядом с сыном и замечаю с укором:

– Вы же просили не опаздывать...

– Я просил. Ну, ты-то ничего не сказала, – усмехается Косогоров, наблюдая за моим замешательством в зеркало заднего вида. Я ловлю холодный и пренебрежительный взгляд и негодуя отворачиваюсь. Кажется, или действительно слышу сказанное тихим шепотом «лохарня». Но не собираюсь обижаться или качать права. Признаю, я – лохушка, или набитая дура.

«Зачем ты, спрашивается, приперлась на родину, Оля? Из-за бабушки? Из-за маминого нежелания ссориться с ней и нанимать сиделку? Ты прекрасно знаешь о коварстве Косогорова. О его способности всегда добиваться своего. Кирилл же сотню раз говорил. А ты? Не поверила или просто не слушала. Вот и влипла! А еще парни в аэропорту. Как думаешь, они кого встречали? Решила, что все забылось? Навряд ли!»

Я закрываю глаза, делаю глубокие вдох и выдох, стараясь унять клокочущую внутри ярость. Только я, наивная дура, умудрилась провести ночь в доме врага, решив, что смогу спокойно уехать наутро.

«Кто тебя выпустит и куда?» – пыхчу я от злости и неожиданно открываю глаза, когда раздается истошный сигнал клаксона. Косогоров ведет машину агрессивно, не уступая дорогу и прогоняя в сторону каждого, кто заезжается у него на пути.

– Вы не могли бы сбавить скорость? Вы нас пугаете, – немного нервозно замечаю я, подозревая, что меня сейчас просто пошлют подальше.

Косогоров хмуро зыркает в зеркало, но скорость сбавляет.

– Мамочка, – говорит Роберт, задумчиво глядя в окно, – а мы, когда вернемся домой, сможем поиграть железной дорогой, которую подарил дедушка?

Я не успеваю открыть рот, чтобы ответить, когда с места водителя раздается уверенный голос:

– Конечно, малыш! Я приеду пораньше из клиники, и мы с тобой соберем рельсы, поставим вагоны и поиграем.

«Твою мать, – мысленно ору я свекру и со всей ясностью понимаю. Не будет «жили они долго и счастливо!», никогда не будет! Не наш случай! Конечно, растить ребенка в богатстве гораздо легче, чем в съемной квартире в чужом городе. А мой свекор сделает все возможное, но обязательно настроит ребенка против меня. Всякие насмешливые фразочки, недомолвки, шушуканье, и не пройдет и года, как я фактически лишусь сына. Уезжать надо, – твержу я себе, безотчетно проводя ладонью по кожаной обивке сиденья. – Ну, куда ты поедешь? – твердит мне внутренний голос. – Никто ничего не забыл. Они ждали тебя, Оля! Там, в аэропорту, мелькнул один из прихлебателей Шевелева. Только подойти не решился. Это тебя и спасло. Поэтому самое лучшее сейчас – укрыться за высоким забором Косогоровского особняка. Засунуть свои обидки в задницу и потерпеть. Иначе тебя просто грохнут, дорогая!»

«Придется потерпеть Вадима Петровича как меньшее из зол», – решаю я, наблюдая из окна Мерседеса, как мой свекор лихо въезжает во двор трехэтажного дореволюционного особняка, всеми своими отреставрированными колоннами и лепниной напоминающего торт.

– Приехали, – бросает он строго. Обогнув машину, открывает дверцу со стороны Роберта и достает малыша из кресла. Берет за руку и важно ведет в клинику. А мне приходится плестись следом. Под заискивающие и любопытные взгляды мы проходим в просторную и светлую приемную.

– Светлана Ивановна, – тут же велит секретарю Косогоров. – Это мой внук Роберт и его мама. Позвоните в лабораторию, пусть завтра пришлют кого-нибудь из лаборатории ко мне домой. Нужно взять кровь на анализ. Запишите, чтобы не перепутать. Ребенку нужно взять общий, на глюкозу и на ферритин. А Ольге Николаевне – общий, ТТГ, онкомаркеры, ПЦР на сифилис, гонорею, гепатит С и СПИД.

Глава 3

Ольга

Я во все глаза смотрю на Косогорова. И почему мне никто не сказал, что он сумасшедший?

– Чему ты удивляешься? – как в порядке вещей, бросает он, пока Светлана Ивановна договаривается с лабораторией. Вадим Петрович одаривает меня очередным пренебрежительным взглядом и добавляет снисходительно. – В моем доме такой порядок. Весь персонал и домочадцы ежегодно проходят обследования. Зато потом без сюрпризов. Пойдем, провожу на диагностику, – заявляет как ни в чем не бывало.

Во всех коридорах нам улыбаются люди в белых халатах, а иногда и пациенты. Довольный словно идиот Косогоров со многими здоровается за руку и представляет моего сына, как Роберта Кирилловича. Многие сначала умиляются внуку владельца клиники, а затем переводят взгляд на меня. Наверняка по всему заведению уже разнеслась молва о чудесном мальчике и его шалопутной мамаше.

В отделении функциональной диагностики, где стоит самое современное оборудование, до моего свекра наконец доходит, что малыш может запросто

испугаться томографа. Поэтому мы ограничиваемся УЗИ. Я сижу на стульчике рядом с ребенком, а его респектабельный дедушка в костюме от Армани и накинутом сверху белом халате изображает из себя адского профессора, которым, по сути, является. Он внимательно смотрит на экран, а потом на снимки и важно изрекает известную мне истину.

– Роберт здоров!

– Да что вы говорите, – хмыкаю я тихо в надежде, что меня слышит только Вадим Петрович. Но по дрогнувшим плечам толстой седой докторицы понимаю свою ошибку.

– Оставайся, Ольга Николаевна, – велит он, особо не церемонясь. – А мы с Робертом вернемся ко мне в кабинет. Надеюсь, ты обратную дорогу найдешь сама. Если нет, Светлана Ивановна тебя разыщет.

– Постараюсь не заблудиться, – бурчу я недовольно. А когда через час выхожу из кабинета, меня охватывает паника. Зачем я только отпустила Роберта с Вадимом Петровичем? Он его обязательно украдет у меня! С его-то связями! Но мой сын важно сидит за столом, рисует домики и солнышко и беспечно болтает ногами. А хозяин кабинета недовольно морщится при виде меня, мрачно кивая неведомому собеседнику.

– Почему тебя ищет Шевелев? – рыкает, закончив разговор. Косогоров даже не пытается быть вежливым и соблюдать приличия. – Не вздумай врать, – бурчит, еле сдерживаясь.

– Это долгий разговор, – пытаюсь я съехать с темы. – Я вам потом расскажу.

– Хорошо, – кивает мой мучитель. – Придется дать тебе охрану, а Роберт пока посидит здесь. В заложниках, – довольно хмыкает и, поняв, что я близка к истерике, встает из-за стола и подходит почти вплотную ко мне.

– Левка грозился прибить тебя при первой возможности. А он человек серьезный. Слов на ветер не бросает. Поэтому придется тебя охранять. Подвергать риску жизнь ребенка я не позволю!

Наверное, я выдаю себя, и по моему обалделому виду Косогоров догадывается о моих неприятностях.

– Все так плохо, Оля? – свекор неприязненно смотрит на меня, а потом решительно возвращается к рабочему столу. Хватает айфон и что-то порывисто говорит в трубку. – Зачем ты только вернулась? – бросает с досадой. – Думала, рассосется?

– Мне казалось, что все давным-давно забыли, – тяну я в растерянности. – Кирилл погиб два года назад.

– Мой сын тоже был причастен к этой истории? – с сомнением спрашивает он и решает мгновенно. – Дома поговорим. Сейчас некогда.

Вероятно, темные делишки Кирилла для него не новость. Знал раньше, или все выяснилось после гибели младшего Косогорова, я не знаю. И, честно говоря, знать не хочу. Просто до сих пор помню то чувство гадливости, когда почти сразу после свадьбы узнала о главном источнике дохода мужа. Черный антиквариат! Облапошивание старушек и просто несведущих людей, до которых даже не доходит, что щербатая тарелка с буквой «К» на обороте может стоить нескольких пенсий.

Наш брак с Кириллом вряд ли можно назвать союзом, заключенным по великой любви. Скорее, по дружбе. С Киром всегда было весело, и даже обычную прогулку по набережной он умудрялся превратить в маленький праздник. Мы читали одни и те же книги, смотрели одни и те же фильмы. Оба увлекались горными лыжами и осваивали дайвинг. Кирилл подходил мне идеально, пока я не узнала об обратной стороне медали. А узнав, не смогла смириться. К тому же самодовольное лицо Кира, когда он хвастался своим умением надурить кого угодно, вызвало у меня тогда неконтролируемый приступ ярости. Пощечина получилась звонкой и тяжелой. А мой муж сперва даже не понял причины.

– Ты сдурела, Оля? – только и смог вымолвить, потирая щеку. А немного позже, когда я принялась собирать вещи, попытался уговорить остаться. – Ты с ума сошла – из-за такого пустяка разводиться!

– Если ты перестанешь обманывать людей, – заявила я тогда. – Я останусь.

– Еще чего? – негодуяще фыркнул Кирилл. – Мне проще найти с десяток баб, чем выпасть из системы. Ты даже не представляешь, сколько людей задействовано. Сотрудники музеев, авторитеты...

– Избавь меня от подробностей, – мотнула головой я и, заскочив в спальню, принялась собирать вещи. Тем же вечером я улетела в Тай, где зимовали мои друзья, зализывать раны. Вот только сразу не подала на развод, идиотка.

– Если вопрос в деньгах, – сверлит меня негодующим взглядом Вадим Петрович, – скажи, сколько, я расплачусь.

– Он говорил, что полностью закрыл всю сумму долга, – лепечу я, наблюдая, как мой ребенок что-то рисует на старой кардиограмме.

– Специалист, – довольно кивает на Роберта Косогорова и озабоченно чешет затылок. – Я встречу с Шевелевым и разрулю ситуацию. Поэтому, Оля, советую хорошенько подумать и выдать мне самую правдивую версию. Легенды и сказки – не мой профиль.

– А я люблю сказки, – шумно вздыхает малыш. – Мамачка мне читает на ночь. А что такое леленды, дедушка?

– Легенды, – добродушно поправляет Вадим Петрович. – Это очень длинные сказки, малыш.

Я смотрю, как по мановению волшебной палочки лицо Косогорова разглаживается, стоит ему только заговорить с Робертом. Чувствуется, что в малыше он души не чаает. Правда, надолго ли хватит? Как внезапно началась великая любовь, так и потухнет без предупреждения. А мне потом – расхлебывай. Объясняй ребенку, что дедушка занят. Придумывай всякие нелепые байки. Мой свекор по природе завоеватель. Взял то, что приглянулось, и пошел дальше. И его совершенно не беспокоят чьи-то слезы и исковерканные судьбы.

«Дедушка! – мысленно усмехаюсь я, исподволь разглядывая крепкого поджарого мужчину в белом халате. – Сколько ему? Сорок три, наверное, – пытаюсь подсчитать я. Кажется, Галина говорила, что они с Вадимом в восемнадцать уже стали родителями. Правда, ей пришлось взять академический отпуск в первый

год жизни Кирилла, а самому Косогорову – устроиться сначала в морг санитаром, а потом фельдшером на скорую помощь. Вроде помогали и родители, но любовь двум глупым щеглам сохранить не удалось. Вадим рвался вперед, а Галине удобно было заниматься сыном и ни о чем не думать. С горем пополам она окончила институт, но к тому времени брак дал уже основательную трещину и вскорости развалился. Косогоров строил карьеру, совершенствовался в профессии и лишь изредка виделся с сыном. Он даже на свадьбу прийти не удосужился. Сослался на командировку. Лишь только спустя три месяца после нашего бракосочетания соблаговолил со мной познакомиться. И даже заказал столик в ресторане. К тому времени я уже вернулась из Тая, пережив короткий головокружительный роман, и пыталась собрать себя в кучу. Чувства в раздразе, денег нет... Поэтому и согласилась на предложение Кирилла.

– Отец хочет с тобой познакомиться, Оль, – пробубнил муж в трубку на следующий день после моего прилета. – Он же нам торчит денег за свадьбу. Желает вручить лично, – заржал Кирилл самодовольно. – О нашем разрыве я еще никому не говорил. Надеюсь, ты тоже. Разведем папу как глупого кролика. Он – мужик щедрый. Мало не подарит. Отвалит прилично. Поэтому предложение такое. Восемьдесят на двадцать. Мне сейчас очень нужны деньги, Оля, – пожаловался он. – Соглашайся, а? Где ты еще срубишь тысяч шестьдесят за вечер в ресторане... Развеешься и заработаешь!

Я и согласилась. Идиотка.

«Если Косогоров стал отцом в восемнадцать, а Кириллу бы в этом году исполнилось двадцать пять, впрочем, как и мне, то «дедушке» сейчас сорок три года, – мысленно прикидываю я, делая вид, что увлечена каракулями сына. Роберт старательно водит ручкой по испещренной ломаными линиями ленте. Что-то бормочет, рисуя. А я люблюсь моим ненаглядным мальчиком, так похожим на своего отца.

– Вызывали, Вадим Петрович? – В кабинет свекра входит коротко стриженный парень с армейской выправкой.

– Да, Антон, – кивает Косогоров и без всяких церемоний представляет. – Это Ольга Николаевна, мать моего внука. Сегодня ты при ней как водитель и охрана. Понятно?

– Так точно, – важно рапортует мой телохранитель и, повернувшись ко мне, важно спрашивает:

– А куда едем?

– На Оборонную, а потом в пятую больницу, – на автомате отвечаю я и тут же получаю строгую отповедь свекра.

– Обсудите по пути, – машет он рукой, выпроваживая меня из кабинета. – Мне работать надо. – И когда я послушно бреду к выходу, бросает вдогонку. – Снимки и заключения врачей не забудь привезти, Оля!

– А-а, хорошо, – растерянно киваю я. И всю дорогу домой размышляю о Вадиме Петровиче.

– Слышь, – окликает меня Антон и хватает, когда я выхожу из машины, – говорят, ты простая девчонка, Оля. Может, подружмся с тобой. Я тут неподалеку обалденный лесок знаю. Поведаемся на травке, а? – тянет довольно. Видать, заранее уверен, что я соглашусь.

– Я не дружу по посадкам, мальчик, – произношу, доставая руку из несильного захвата. – Больше ко мне не подкатывай, договорились?

– Ты, гламурная чика... – шипит он, снова норовя схватить меня за руку, – я точно знаю, что ты из себя представляешь. Решила шефа заплучить в койку? Думаешь, он польстится на тебя? Ты же дешевка хренова...

– Уберите руки, пожалуйста, – ледяным тоном прерываю я откровения охранника. – Я пожалуюсь Вадиму Петровичу.

– Да он сам называл тебя проституткой! – хмыкает Антон, и я вижу, как его лицо, резкое и очень неприятное, морщится от смеха. Широко открывается рот, и парень закатывается как ненормальный. Мне хватает ума заскочить в подъезд с кодовым замком. И оставить горе-телохранителя с носом. А поднимаясь пешком по лестнице на четвертый этаж, я звоню Косогорову и очень вежливо прошу.

– Отзовите этого идиота, Вадим Петрович. Я понимаю, что вы до сих пор считаете меня недостойной вашего сына и публично оскорбляете, но поверьте, Кириллу это бы не понравилось...

– Хорошо, – рыкает в трубку мой свекор. В телефоне на секунду воцаряется тишина, и я, воспользовавшись этой мимолетной паузой, как дура жду элементарного «прости». Но не успеваю даже открыть рот, когда в трубке слышатся гудки. Со мной поговорили, твою мать!

Хорошо!

Никаких извинений или фальшивого интереса к происходящему. Просто «хорошо!» и точка.

Дай мне, господи, силы выдержать этого несносного человека. Дай мне терпения не придушить его сразу!

Бабушка... Напоминает мне здравый смысл. Пусть сначала отец Кирилла договорится об операции. А прибить его я всегда успею. Лучше, конечно, взять Роберта и удрать. Вернуться в Эдинбург. Работать в маленьком магазинчике напротив Холлируда. Продавать кашемировые свитера и тартаны. Забирать вечером Роберта из детского сада и по пути домой заходить в кондитерскую. А по выходным вместе с Алексом и Клэр ездить за город. Валяться на изумрудной траве и фотографироваться на фоне старого замка.

«Вот принесла меня нелегкая домой!» – хочу я закричать от отчаяния, но при виде расстроенной матери сдерживаюсь.

– Я думала, Роберт с тобой, – уныло замечает она, обнимая меня. Я утыкаюсь носом в знакомую и родную ямочку под шеей и силюсь не разрыдаться. Жизнь летит под откос, а я и пожаловаться не могу. Не имею права. На маму и так навалилось много проблем.

– Почему ты оставила его у Косогоровых? – спрашивает она, включая чайник и доставая из холодильника мой любимый оливье. Греет в микроволновке мясной пирог.

– Вадим Петрович хочет с кем-то договориться насчет бабушки, – вздыхаю я, расставляя тарелки. И стараюсь не проболтаться. Знать матери о претензиях Шевелева совершенно ни к чему. – Давай историю болезни. Я ему отвезу. А твой внук в клинике. Играет в доктора в кабинете у Вадима.

– Вот и хорошо. Богатая влиятельная семья. Твоему сыну просто необходимы такие родственники. А свой характер засунь, знаешь куда... Вон человек для твоей бабки старается.

– Я знаю, – киваю я, понимая, что мама в борьбе с Косогоровым мне не помощник.

Я смотрю на нее, свою маму. Усталую и постаревшую. Она почти ровесница Вадиму Петровичу. Вот только выглядит лет на десять старше. Нет, она следит за собой. Красивая стрижка, так идущая ей. Очень хороший вкус. Даже сейчас в домашнем костюмчике она смотрится достаточно мило. Но по сравнению с ухоженным и холеным Косогоровым это совершенно другая лига.

«Большие деньги кого угодно преобразят», – мысленно хмыкаю я, а вслух бросаю устало.

– Мам, не начинай, а? Чем дальше от богатых и знаменитых, тем спокойнее. Я и так чувствую себя человеком второго сорта. А это унижительно. Правда! И я боюсь за Роберта. Выкрадут, не позволят видаться. А обращаться в полицию бесполезно. Эти люди откупятся за пять минут. Поэтому я решила уехать как можно скорее. И если Косогоров договорится, чтобы бабушку оперировал этот... как его? – щелкаю я пальцами, пытаюсь вспомнить фамилию хирурга.

– Яковенко, – на автопилоте подсказывает мама. – Еще сколько он запросит, неизвестно...

– Лучше один раз сделать качественно, чем переделывать каждый год, – поморщившись, заявляю я. А когда выхожу во двор с пухлой папкой с медицинскими заключениями, во дворе около знакомой Ауди вместо Антона меня поджидает другой парень. Один из тех, что вместе с Косогоровым встречал нас вчера.

– А Антон куда делся? – садясь в машину, спрашиваю от нечего делать.

– Вадим Петрович его уволил, – коротко бросает водитель. – Теперь я с вами езжу, Ольга Николаевна.

«Вот это да, – охаю я, стараясь не заорать в голос. – Сказал «хорошо» и решил проблему одним махом!»

Меня мало беспокоит судьба Антона. Он поплатился за свое хамство и гнусный характер. Но становится не по себе от методов свекра. Вот так просто вышвырнуть не угодившего сотрудника может только совершенно отвязный тип. Трудовой кодекс ему в помощь.

Безотчетно я открываю папку с бабушкиными документами. Листаю исписанные страницы и внезапно выхватываю взглядом фразу «полная неподвижность сустава». Внимательно вчитываюсь в каждую строку и понимаю простую и непреложную истину. Кажется, я застряла здесь надолго.

«Твоя мама права, дорогая Оля, засунь-ка ты свои обиды на Вадима Петровича и умоли его помочь. Иначе не видать тебе больше Эдинбурга», – самой себе твержу я всю дорогу до клиники. Но, честно говоря, даже язык не поворачивается попросить о помощи.

Важный и насупленный Косогоров рассматривает на экране какие-то снимки, тычет в них пальцами и, даже не повернув головы к двум солидным докторам, стоящим чуть позади, раздраженно спрашивает:

– Ну и что теперь с этим делать, твою мать? Как вообще можно исправить это уродство? Я не возьмусь и вам не советую. За такой вандализм вешать надо. Прилюдно. На площади, – рычит он, еле сдерживаясь. – У этого коновала хоть диплом врача есть?

– Терапевт, – кивает один из докторов. – К хирургии вообще отношения не имеет. Надеюсь, эту дрянь засудят... Ну и пациентка сама виновата.

– И о чем только думают люди, разрешая оперировать себя на кухне? – поддакивает, передергивая плечами другой.

– На кухне? – Вадим Петрович с недоверием глядит на своего коллегу и разражается отборной витиеватой бранью.

Я замираю в дверях, не в силах поверить, что чопорный и надменный Косогоров вообще знает такие слова. А уж сами обороты, хоть записывай!

В этот момент, он замечает меня.

– А... Оля, – бурчит, словно никак не ожидал увидеть и тут же требует. – Давай!

Я отдаю ему папку и внезапно понимаю, что у меня трясутся поджилки. Во всяком случае, руки дрожат.

– А где Роберт? – обалдело спрашиваю я, обводя изумленным взглядом пустой кабинет.

– Пошел в зимний сад со Светланой Ивановной. Там у нас птички-рыбки и морская свинка специально для вони, – морщится он, отмахиваясь от меня как от надоедливой мухи. Потом поворачивается к коллегам и бросает в обычной нагловатой манере.

– Потом продолжим. Сейчас я занят.

Важные и напыщенные мужики как по команде выходят из кабинета. А Косогоров берет со стола айфон и уже через несколько секунд разговаривает с доктором, аудиенции которого моя мать не может добиться месяц.

– Иван, – весело пыхтит в трубку Вадим Петрович. – Прооперируй мою родственницу, пожалуйста. Считай это личной просьбой.

И через минуту закончив разговор, устало смотрит на меня.

– Во вторник Ваня... Иван Юрьевич лично прооперирует...

– А цена? Сколько он возьмет за операцию? – уточняю я на всякий случай.

– Нисколько, а ты должна будешь, – фыркает свекор и снова утыкается взглядом в снимки, развешанные по белому светящемуся экрану.

Я чувствую, как внутренности сводит от липкого парализующего страха. Ощущаю, что дыхание сбивается. Стараюсь сдержаться. Но бесполезно. Я попала в руки опытного кукловода. Он без всякой подсветки способен прочесть мои мысли и точно знает, что творится у меня в душе. Я слишком проста и неопытна перед этим монстром. Но ради себя и сына мне придется сражаться до последнего вздоха.

Глава 4

Вадим

Когда за Ольгой закрывается дверь, я устало отбрасываю снимки в сторону. Естественно, врача-вурдалака нужно судить за его творчество, но исправлять изуродованное тело пациентки я ни за что не возьмусь. Мысли сами собой перетекают на сноху. Мне до сих пор не верится, что я выжил, увидев стоящую посреди холла Ольгу в белых обтягивающих брючках и темной свободной рубашке. И главный вопрос, занимавший мое воображение, пока я спускался по лестнице со второго этажа и жадно рассматривал ничего не подозревающую невестку, сводился к одному.

«Она надела бюстгальтер? Или сиськи свободно бултыхаются под тонкой блузкой?»

Я сержусь на себя и на Ольгу одновременно. Виню ее во всех своих бедах, в глубине души понимая, что лажаю сам.

«Вот какое тебе дело, Вадик, до Олькиных сисек? Они, конечно, роскошные. Но их же лапали все, кому не лень. Девчонка у нас добрая-предобрая», – рыкаю я, вжимая в полик педаль газа. И только бление снохи заставляет меня сбавить скорость.

«Вот же дурак! – в глубине души корю я себя. – Роберт в машине, а у тебя опять весь мыслительный аппарат переместился из башки в задницу. Даже не ж. пой думаешь, нет! А членом! Он уж точно приободрился, стоило только представить Ольгины сисяндры».

Поэтому в кабинет я вхожу на взводе. В прямом и переносном смысле. И мои распоряжения, идущие от умника, восставшего в штанах, мне так же неприятны, как и окружающим. Но, с другой стороны, я просто обязан знать, кого приютил в своем доме. И если хоть что-то обнаружится в Ольгиной крови, найму в сраном Эдинбурге детектива. Пусть хорошенько покопается в грязном бельешке моей снохи. И стоит ей рыпнуться, представлю эти сведения в суд и лишу родительских прав.

«Но это так... на всякий случай, – криво усмехаюсь я, наблюдая, как ко мне в кабинет один за другим входят заведующие отделениями. Рассаживаются степенно по местам и с улыбкой взирают на маленького мальчика. Роберт сидит на диване и, разложив на журнальном столике какую-то макулатуру, выданную ему моей секретаршей, что-то старательно малюет. Вон, аж язык высунул... Как и я когда-то в детстве.

– Роберт Кириллович Косогоров, – с улыбкой представляю я внука. И чувствую, как гордость за такого красивого и умного мальчика затопляет мое жестокое сердце.

– Ну-с, начнем, – киваю я коллегам и внимательно принимаю их доклады. Раздражение постепенно сходит на нет, да и товарищ в штанах засыпает, обмякнув.

«Вот тебя проняло, Вадик, – посмеиваюсь над собой, слушая заведующую лабораторией. Опять проблема с расходниками. Нужно закупать реагенты и тест-полоски. А еще отремонтировать анализатор. Это только на картинках лаборанты сидят перед микроскопом и вручную считают эритроциты и лейкоциты. А на самом деле их труд уже давно переложено на плечи умнейших приборов стоимостью в несколько миллионов рублей каждый.

– Давайте заявку, я подпишу, – киваю я и поворачиваюсь к начальнику экономической службы. – Лидия Константиновна, уточните, пожалуйста, когда заканчивается гарантийный срок анализатора и вызовите специалиста от

поставщика.

Лидка, моя правая рука и давняя любовница, кивает коротко стриженной башкой. Но ни одна тонкая прядка, слегка смоченная гелем, не шелохнётся. Глаза, подведенные темными стрелками, смотрят на меня преданно и внимательно.

– Там, кажется, еще полгода осталось, Вадим Петрович, – деловито сообщает Лидка.

– Когда кажется, крестятся, Лида, – рыкаю я. – Мне нужны точные сведения. Поэтому проверь и доложи. Прямо сейчас.

Она как ошпаренная выскакивает из кабинета, несется к юристу, а я, заметив вибрирующий на столе айфон, недовольно пялюсь в экран.

«Ольга! Тудыть ее налево!»

Минутного разговора с ней хватает, чтобы как заразу подхватить дурное настроение.

«Этому дала, этому дала, а этому не дала, – проносится в голове детская присказка. – Обломилось тебе, Антоша», – злорадно усмехаюсь я и после планерки вызываю к себе Емельянова.

– Уволить к ядреной фене, – велю я, мысленно поражаясь такому внезапному решению. – Сегодня, Владимир Васильевич. Пусть Гена съездит на Оборонную и сменит этого придурка. Рядом с моими родственниками не должны ошиваться подонки.

Емельянов, скорчив козью морду, выходит из кабинета. Знает, хитрый жук, что спорить со мной бесполезно. Еще никому не удавалось настоять на своем. Начиная с Галки, возомнившей себя после рождения Кирилла моей повелительницей, и заканчивая некоторыми коллегами. Кто-то решил, что он умнее, а кому-то просто корона сильно сжимала голову. Но факт остается фактом. Спорщики сразу идут на выход. Впрочем, как и люди, попытавшиеся посягнуть на мою собственность. Всякое ворье вылетает из клиники со свистом. А сегодня вот я выгнал человека, который покусился на женщину, находящуюся

под моей защитой.

– Так бы одним махом с Шевелевым разобраться, – бурчу я под нос и снова смотрю на снимки безграмотно проведенной операции. По большому счету, молодая женщина стала инвалидом. Неправильно сшитые мышцы никогда не растянутся, стоит ей забеременеть. А значит, любая беременность в ее случае обречена.

«За такое судить надо и срок дать как за убийство, – думаю я и, закрыв глаза, будто наяву вижу красавицу с большим животом. Она сидит на скамейке около моего дома и что-то рассказывает Роберту. Ольга!»

За малым я чуть не падаю с кресла.

«Трындец на холодец! – рыкаю раздраженно. – Да сколько можно! Работать нет сил! – мысленно фыркаю я, понимая, что думать сейчас, когда по клинике шастает Ольга, ни о чем другом не могу. – Хорошо хоть сегодня нет операций», – вздыхаю я аки мученик и, выйдя в коридор, окидываю грозным взглядом намытую до блеска плитку, пустые урны и куда-то спешащих по своим делам двух сестричек в белоснежных халатах. У меня в клинике идеальный порядок. Санитарки с утра до вечера намывают полы и точно знают, что два раза в месяц обязательно получают зарплату. А где еще найдешь стабильную работу без образования? Я много вкалываю сам, вот и от всего коллектива требую такой же отдачи. Но если верить моему отделу кадров, у нас, отказывается, есть целая очередь из желающих устроиться в штат.

Ольгу и внука я нахожу в детском уголке. Малыш с восторгом наблюдает за двумя попугаями, перескакивающими по жердочкам, и ни в какую не хочет уходить.

– Может, купим ему собаку? – вздыхаю я, добродушно оглядывая юного любителя птиц.

Ольга вздрагивает как ужаленная и, придя в себя, замечает холодно.

– Пожалуйста, не балуйте Роберта. Ребенок должен понимать, что не все его хотелки исполняются по мановению волшебной палочки. Потакание малейшим прихотям еще никого не сделало счастливым. Я вас очень прошу, Вадим

Петрович!

Она смотрит на меня умоляюще, и я готов согласиться с каждым ее словом. Детей баловать можно и нужно, но с умом. Галка, конечно, своей вселенской любовью чуть не испортила Кирилла. Хорошо, я тогда успел вмешаться. Бодрящие пендели и спорт выправили ситуацию. А то бы вырос наш Кир мажором. Хотя... может, тогда и остался бы жив. Женился бы на гламурной модельке, и я бы так не заморачивался сейчас.

– А он хочет собаку? – интересуюсь я, не желая обсуждать воспитание внука посреди клиники.

– Как и любой ребенок, – пожимает плечами сноха. – Но не просит постоянно. Поэтому...

Мельком вглядываюсь в Олькино строгое личико и силюсь не рассмеяться. Кто бы говорил! Педагог хренов!

– Отлично, – улыбаюсь я, мгновенно принимая решение. – Я сам давно собираюсь купить щенка с хорошей родословной. Надеюсь, вы с Робертом поможете мне выбрать?

– Постараемся, – нутужно бурчит она, вероятно решив, что покупку щенка я отложу на неопределенное время. Ага, сейчас!

– Роберт, – подхожу к внуку и, присев рядом на корточки, говорю с серьезным видом. – Мне нужна твоя помощь. Хочу купить щенка. Вот только не знаю, какого...

– А ты мне разрешишь с ним играть, дедушка? – хитренько смотрит на меня малыш и, получив заветное «да», обнимает за шею. Краем глаза я вижу, как у Ольги по лицу пробегает недовольная гримаска. Но сноха сразу берет себя в руки. Эх ты, актриса погорелого театра, я-то прекрасно знаю, что тебе со мной ссориться сейчас невыгодно.

– Надеюсь, вы после нашего отъезда не вышвырнете собаку вон, – тихо бормочет она, наблюдая, как Роберт водит ладошкой по клетке – прощается с попугаями.

– А ты куда-то уезжаешь? – криво усмехаюсь я. – По-моему, я еще утром обозначил условия. И с того момента ничего не изменилось.

– Я – свободный человек, и вы не можете удерживать меня в своем доме, Вадим Петрович, – шипит она как гадюка. – Мы приехали всего на пару недель. У меня в Эдинбурге работа и обязательства.

Я снисходительно смотрю на маленькую дурочку. И оглянувшись по сторонам, лишний раз убеждаюсь, что рядом никого нет, а Роберт все еще занят попугаями. Одним рывком прижимаю красавицу к себе и бросаю гневные слова прямо в лицо.

– Про свои обязательства мне можешь не рассказывать. Про работу тоже. Найдут кого-нибудь другого продавать рейтузы из овечьей шерсти. Или чем ты там еще подрабатываешь?

Ольга оторопело смотрит на меня. Потом глаза загораются яростью, а между нами встает остренький локоток.

– Отпустите меня, – просит она и, как только обретает свободу, отходит к сыну.

– Поедем, Роб. Бабушка Катя нас ждет. Она сильно соскучилась по тебе. И Лапка тебе привет передает.

– Лапка? – живо переспрашивает Роберт и, словно взрослый, задумчиво чешет башку. – Как же я про нее забыл, мама! – всплескивает ручками маленький мужичок. – А бабушка Катя испекла мой любимый пирог?

– Ну конечно, – улыбается Ольга.

Ее лицо озаряется светом, будто минуту назад она не зыркала на меня раздраженно. Я еще раз убеждаюсь, что она по-настоящему любит сына. И ни при каких обстоятельствах не расстанется с ним. Да и мне не хочется травмировать мальчишку. Зачем разлучать его с матерью, когда можно решить вопрос миром? Нужно только объяснить моей несносной невестке, что сопротивление бесполезно, и ее дурацкий Эдинбург навсегда остался в прошлом. Да и что хорошего в древнем городе? Скалы, камни и трава. А

современная часть выглядит как пыльный поселок. Был я там когда-то давно. Мы с Кириллом объездили давным-давно всю Англию и Шотландию. Сколько ему тогда исполнилось? Лет двенадцать, наверное... Боль о погибшем ребенке с новой силой впивается в сердце.

«Кир, мальчик мой, – думаю я, лишь на минуту поддаваясь грусти, – ты и сына своего даже не видел». Я смотрю на Роберта и в который раз задумываюсь о непонятном результате теста. Девяносто два процента – это слишком мало для подтверждения отцовства. Одно точно – Роберт наш родственник и действительно Косогоров. Вот только кому еще могла отдаться красавица? Павке, моему младшему брату, или Ленчику, нашему дядюшке, который на год старше меня? Как бы разузнать, не вызывая подозрений...

– Вадим Петрович, – окликает меня Ольга. – Мы поедem. Не будем вас отвлекать.

– Конечно, – киваю я, бросая взгляд на припрыгивающего рядом Роберта, – поезжайте. А я проведу пока обход и заеду за вами где-то через два часа...

– Зачем? – изумляется сноха, и я вижу, как в одночасье гаснет радость на ее лице.

– Поедем собаку покупать. Мы же договорились, Оля! – сообщаю я как ни в чем не бывало.

– Собаку? – переспрашивает она под радостный детский визг.

– Ну, не крокодила же, – ухмыляюсь я и во все глаза смотрю на смеющегося внука. Роберт хохочет, прикрыв ладошкой рот, и все повторяет «Крокодила-а! Мама, крокодила-а!»

– Хорошо, – вздохнув, соглашается Ольга. – Мне вообще-то нужно к бабушке. Но, я думаю, собака важнее, – заявляет она с ехидной усмешкой. – Вам же срочно надо.

– Мне хочется, чтобы Роберт не скучал, – замечаю я миролюбиво и, безотчетно положив руку Ольге на спину, веду к выходу.

И тут же ругаю самого себя.

«Что ты творишь, Вадик? Еще со стояком по клинике не разгуливал!» – усмехаюсь я, убирая ладонь.

– Мы можем заехать в больницу вместе. Я заодно с Яковенко поговорю с глазу на глаз. Как тебе идея?

– Зачем вы все это делаете? – прямо спрашивает она. – С одной стороны, помогаете в безвыходной ситуации. А с другой – оскорбляете прилюдно. Чего вы добиваетесь, Вадим Петрович?

– Ничего, – усмехаясь, пожимаю я плечами. – Просто такой вот человек. Вредный и требовательный. Привыкай, моя хорошая, – предупреждаю вполне серьезно и, развернувшись, иду обратно в клинику.

Я знаю – Ольга все поймет как надо и перестанет дергаться.

«А если кто-то из моих родственников тоже отметился у нашей красавицы, придется выдать ее замуж. Пашка и Ленька – оба холостые. Вот и обустрою кому-нибудь из вас личное счастье, пацаны, – мысленно ухмыляюсь я и неожиданно понимаю, что готов дать в морду любому из родственников, кто только посмел наставить рога моему сыну».

Стремительно пройдя по очереди коридоров, я лишь на секунду останавливаюсь посреди стеклянного перехода, соединяющего диагностический центр со зданием лечебного корпуса. Лечиться у меня – дорогое удовольствие. Но каждой пациентке предоставляется односторонняя палата люкс. Да и сервис соответствует лучшим пятизвездочным отелям. За красоту и комфорт нужно платить. Не могу пожаловаться. Отбоя от клиентов нет. И ни одна палата ни дня не пустовала.

Я задумчиво бросаю взгляд вниз, где среди клумб и газонов находится маленькая VIP-парковка для сотрудников. Замечаю выстроившиеся в ряд иномарки представительского класса. Большею частью это машины моих заведующих. А с краю примостилась красная Лада-Калина с помятым боком. Это Лидкина карета. И менять ее моя любовница не намерена. Перевожу взгляд на свой Мерседес, стоящий особняком, и вижу Ольгу, усаживающую Роберта в

детское кресло. Она пристегивает ремешки и одновременно, прижав между плечом и ухом трубку, с кем-то весело и непринужденно болтает по телефону. Даже через мутное стекло мне видны ее улыбка и радостный взгляд.

«Очень интересно, – хмыкаю я про себя. – Наверное, договаривается о свидании, – проносится в голове шальная мысль. – Эх, Оля-Оля, что же ты за девка такая, – бурчу я, внезапно разозлившись. И тяжело вздохнув, иду дальше, стараясь выкинуть из головы шальную красавицу.

Меня уже ждут в ординаторской отделения пластической хирургии, и стоит мне появиться на пороге, как все врачи моментально подбираются.

– Давайте начнем, – натянуто улыбаюсь я коллегам. – Какие новости?

– Ночь в целом прошла спокойно, – бодро рапортует заведующий Васька Егорцев, мой однокурсник и друг. Я рассеянно слушаю его, потом остальных врачей. Небрежно смотрю снимки и результаты анализов, а затем хожу по палатам, словно робот. И неожиданно понимаю, что все мои мысли до сих пор заняты Ольгой. Я в который раз стараюсь догадаться, с кем же из наших родственников она наставляла рога Кириллу. И почему мой сын никогда даже словом не обмолвился? Где он вообще подобрал эту стерлядь, лишившую меня покоя? Почему не обратился в суд и не потребовал совместную опеку над ребенком? О чем задумался на крутом повороте? Куда неся или от кого убегал?

– Вадим, – окликает меня Васька Егорцев, когда обход заканчивается, и мы с ним возвращаемся в ординаторскую. – Тут Лиза Пирогова опять звонила. Хочет немного подтянуть грудь. Вроде как сюрприз для Игоря готовит.

– О чем вообще идет речь, Вася? – криво усмехаюсь я. – Если она хочет прооперироваться и сразу отчалить домой, то я категорически против. Нужно наблюдать в течение хотя бы трех дней. А если просит отсрочку по оплате, то мы так не работаем. И мне плевать на ее шашни, – морщусь я, – пусть сначала внесет деньги в кассу, а потом развлекается со своими сюрпризиками. И как только Игоря вставляет от перекроенной бабы? Но если честно, мне это по барабану, Вась, – замечаю я небрежно и, повернувшись за звук шагов, смотрю внимательно на своего аспиранта, застывшего чуть поодаль.

– Написал главу, Олежка? – киваю я на файл в руках у парнишки.

– Да, – блеет он. Самый талантливый из моих учеников. Выйдет ли из него толк, пока не знаю. Руки золотые, мозги прекрасные, а вот с характером беда. – Я по поводу вчерашней ринопластики хочу сказать, – спотыкается он на каждом слове, – лихо вы с этой бульбой на кончике носа расправились. Одним движением ее... Вот бы мне так научиться!

– Приходит с опытом, – киваю я, хлопая Олега по плечу. – Руку набьешь, и все получится.

– Вот только где его взять, этот опыт? – пыхтит он.

Мы с Васькой заговорщицки переглядываемся. Кто хочет, тот найдет. Нас с Егорцевым нелегкая занесла во «Врачи мира» – общественную организацию, оказывающую помощь в любом уголке Земного шара. Где нас только не носило. Нигерия, Сомали, Индия... Практики было, хоть отбавляй. Иногда даже спали около операционного стола. А наш сокурсник Руслан еще во время учебы тренировался в родном ауле на овцах. Зато теперь – главный врач крупной республиканской больницы. У каждого свой путь в профессию. Только без практики дорога одна – в коновалы.

Глава 5

Ольга

Несмотря на происки Косогорова и Шевелева с его дурацкими претензиями, я совершенно не жалею, что вернулась домой. Во-первых, Роберт стал лучше говорить по-русски, а во-вторых, ребенок должен знать свои корни. Ему пока все в диковинку. Даже пирог с мясом кажется вкуснее, чем тот, что моя мама пекла у нас в Эдинбурге. Все зависит от продуктов, а нам тогда так и не удалось найти подходящую муку. Зато мясо в Шотландии значительно вкуснее. Жить, конечно, здесь я не намерена. Слишком сильно приросла к Эдинбургу за пять лет. Да и у Роберта там друзья. А вот приезжать хотя бы раз в год просто необходимо. Поболтать с мамой на кухне, чмокнуть бабушку в морщинистую щеку, посмотреть, как изменился город за твое отсутствие.

«В очередной раз поцапаться с Косогоровым», – подсказывает внутренний голос.

И даже сейчас, сидя с мамой в кухне и слушая, как она поет осанны Вадиму Петровичу, мне хочется рассказать ей все. Но нельзя, твою мать, нельзя! Ни хрена нельзя говорить!

Я послушно киваю, наблюдая, как мой сын ест высокий мясной пирог и болтает ногами. А под столом в надежде, что хоть что-то перепадет, уже замерла мамина кошка.

– Да, отец Кирилла постарался, – бурчу я неохотно. – Сейчас с нами в больницу заедет. Поговорит с врачом.

– Хорошо бы, – снова кивает мама. – Яковенко – лучший доктор, к нему со всей области едут. И ты бы узнала, Оля, сколько мы должны, – с упреком говорит она. – Неудобно получится...

– Да все в порядке, – отмахиваюсь я и только в больнице понимаю, как один звонок Косогорова меняет бабушкину жизнь в лучшую сторону.

Моя бабуля лежит в палате люкс и раздраженно пялится в телевизор.

– Вот два часа назад в эту камеру перевели одиночную. Тут даже собственный туалет имеется. Сиделку приставили...

– Так это же хорошо, бабуля, – улыбаюсь я. – Тут вроде бы спокойней...

– Спокойней только в гробу, – ворчит она, недовольно поджимая губы. – В той палате, – машет она рукой куда-то за стенку, – я уже с девочками сдружилась. Хоть стакан воды было кому принести и поговорить. А тут...

– Косогоров творит добро, не спрашивая, – ехидно усмехаюсь я. – Но тебе повезло, бабуль.

– Целый переполох начался. Сам Яковенко ко мне прибежал с претензиями. Почему это вы, Нина Васильевна, ничего не сказали о родстве с Косогоровым? Перевел вот меня в лучшую палату, словно я барыня какая, – бурчит она,

принимая из моих рук банку с теплым бульоном, переданным мамой. – Но ты придержи свой характер, Ольга! Тебе поддержка нужна. Свекор твой, видно, человек-то неплохой. Помогает нам, убогим. Мог бы давным-давно болт положить. Но не оставляет вас с Робертом. Тебе его помощь ой как пригодится. Ребенку тоже. Он и наследник-то один у дедушки. Только не вздумай вернуться обратно в свою Англию. Ну, что ты там забыла, Оля? Я тут скучаю, болею. Не дай бог, помру в одиночестве. Ни тебя не вижу, не ребенка. Только Катькину унылую морду. А так и в могилу сойти недолго. Ты же завтра приедешь? Поможешь мне искупаться?

– Конечно, бабушка, – киваю я и лихорадочно соображаю, с кем останется Роберт. Позвоню Галине, или с мамой как-то договоримся...

– Нет, – раздается от двери, и в палату важно всплывают мой свекор и его коллега. Толстый мужик с бородой и руками как у мясника.

– У вас очень сложная ситуация, Нина Васильевна, – заявляет онемевшей бабушке Косогоров. – И купать вас должен специально обученный человек. У Ольги такой квалификации нет. Она может навредить вам и себе. Поэтому я вам советую не пренебрегать помощью профессионала. Сиделка с вами круглосуточно. Если что-то понадобится, звоните Ольге. Она приедет сама или пришлет с посыльным все необходимое. Нам нужно поскорее поставить вас на ноги, – душевно улыбается Вадим Петрович. И моя бабушка, старая коза, млеет от его напора и внимания и, как пионер на параде, торжественно заявляет.

– Буду стараться. Да мне много и не надо!

– Вот и хорошо, – ласково замечает Косогоров и тут же переводит требовательный взгляд на меня. – Едем, Оля. У меня еще много дел. Да и Роберта еще забрать нужно.

По дороге к мамину дому я чувствую, как все внутренности сводит от напряжения. Мне даже пространство Мерседеса кажется наэлектризованным. Только коснись, и рванет. Да и сам Косогоров напряжен и мрачен. Я сижу сзади, вжавшись в сиденье, и боюсь вымолвить даже слово, а Вадим Петрович, врубив погромче музыку, все так же неистово жмет на клаксон и ругает проезжающие мимо машины.

От бьющих басов у меня разрывается на части башка. Тыц-тыц-тыц. Отзывается болью в висках каждый аккорд. Тяжелый рок. Вот уж не догадывалась, что такая музыка нравится свекру.

«Да что ты вообще о нем знаешь? – ехидно интересуется внутренний голос. – Ты понятия не имеешь о его предпочтениях. Что он читает? Чем занимается в свободное время?»

Я смотрю на коротко стриженный затылок и крепкую шею.

«Позер, наглый тип, знающий себе цену. Богатенький папочка моего бедного Кирилла. Человек, начихавший на собственного сына и жену. Тусовки, девочки... И работа... Наверное, у него есть кто-то... Ну, не может такой мужик жить монахом! – некстати думаю я. – Вот бы посмотреть на ту идеальную женщину!»

Машина внезапно останавливается около набережной. Место людное. Невдалеке от воды гуляют мамы с колясками, влюбленные парочки, и рыбаки с парасетов пытаются наловить рыбешки. Вот только мы сюда зачем приехали?

– Поговорим, – рыкает Косогоров и, выключив зажигание, смотрит на меня в зеркало заднего вида. – Сиди, – велит он строго. А сам выходит из машины, оставляя ключ в замке. Пересаживается ко мне на заднее сиденье. Щелкает замком на двери. И мы с Вадимом остаемся один на один. Стоит только протянуть руку. Косогоров опускает между нами широкий кожаный подлокотник и спрашивает требовательно.

– Что за байда с Шевелевым? Рассказывай все по порядку. Без эмоций. У нас мало времени. Левка назначил встречу. Я съезжу, конечно. Вот только не совсем в курсе, за что он на тебя так взъелся...

Я смотрю на строгого человека в дорогом летнем костюме. Сталкиваюсь с суровым взглядом и чувствую, как в горле застревает ком. Нос свербит от сандалового аромата с легкой примесью мускуса, а душа заходится в панике от столь близкого соседства.

– Я не знаю, – шепчу сквозь нахлынувшие слезы. – Кир ему обещал какую-то картину достать. А потом нашел другого покупателя. Тот заплатил больше. Ну,

Кир ему и продал... Законы рынка...

– Экономисты хреновы... – морщится Косоголов. – Когда человек живет по понятиям, другие законы отходят на задний план. Аванс вернули? – спрашивает он напряженно. – Сколько там было?

– Не знаю, – всхлипывая, повторяю я. – Кир не посвящал меня в свои дела. А когда я узнала, чем он занимается, то сразу ушла.

– Да, – презрительно ухмыляется свекор. – Вот такие мы гордые и принципиальные. А он много знал о твоих делишках? Наверное, Шевелев хочет неустойку. Хорошо, если так. Я рассчитаюсь за Кирилла. Но если есть что-то еще, лучше скажи сразу, Оля. Если всплывет потом, пеняй на себя.

– Я не понимаю... – лепечу я, словно припадочная. – У меня нет никаких дел с Шевелевым. Я понятия не имею, что он хочет...

– И поэтому сбежала в Эдинбург? – криво усмехается Косоголов. – Не лечи мне мозги, девочка. Не знаю, какую игру ты затеяла, но советую остановиться. Взрослые дяди сожрут тебя с потрохами и даже костей не выплюнут. Поняла, девочка? – рычит он.

– Не-ет, – блею я. – Я не понимаю, что происходит!

– Ладно. Попробую тебе объяснить, – тяжело вздыхает Вадим и впивается мне в губы грубым требовательным поцелуем. Язык захватчиком проникает внутрь и уже диктует свои правила, а я пытаюсь вырваться из крепких лап Косоголова. Но куда уж мне против его бульдожьей хватки! Лучше расслабиться и получить удовольствие. Ведь у меня нет сил противостоять натиску Вадима. Да и тело не обманешь.

Косоголов с неохотой отлипает от меня и, чертыхнувшись, выходит из машины. Решительно шагает по аллейке к воде. То ли подумать, то ли прийти в себя. И проходя мимо группки подростков, просит у них сигаретку. Те что-то достают из пачки и даже дают прикурить. Я вижу склоненное лицо Вадима и отблеск пламени, мгновенно пробежавший по широкой ладони. Косоголов, усевшись на первую попавшуюся скамейку, курит красиво, небрежно смахивая пепел в сторону. А парни, отойдя чуть поодаль, останавливаются и с интересом

наблюдают за богатым мужиком, сосредоточившимся на обычной белой сигарете. Я инстинктивно понимаю, что происходит что-то нехорошее, и выскакиваю из машины. Забираю из замка зажигания ключ и, щелкнув сигнализацией, решительно направляюсь к свекру.

– Чем это вас угостили, Вадим Петрович? – ехидно интересуюсь я, всматриваясь в чуть прибалдевшее лицо свекра. Плюхаюсь рядом на лавку. У ребяток неподалеку тускнеют морды и как-то сразу портится настроение.

– Мне кажется, или они за мной наблюдают? – отрывисто спрашивает Косогоров, ладонью вытирая вспотевший лоб и выкидывая наполовину выкуренную сигарету.

– Есть такое, – киваю я. – Видимо, вам подсунули какую-то самокрутку, дорогой товарищ доктор! И как же вы сразу не распознали?

– Я из хорошей семьи, Оля, – криво улыбается Вадим и смотрит на меня совершенно шалым взглядом. – В школе и в университете никогда эту дрянь не пробовал и даже не интересовался дурью. Можно сказать, вот это первый раз...

– Загадывайте желание, – фыркаю я и с ужасом замечаю, как взгляд свекра становится остекленевшим. – Как вы себя чувствуете? – интересуюсь, пытаюсь оценить состояние потерпевшего.

– Я? – удивленно переспрашивает Вадим. – Отлично, Олюшка, – фыркает он. – Я сейчас в номере транзит-отеля одной южной страны. Где-то в России нелетная погода, а я...

– Ну, понятно, – тяжело вздыхаю я и звоню Гене, на всякий случай оставившему мне номер сотового. – Тут у Вадима Петровича сердце прихватило, – вру я как ни в чем не бывало. – Можешь с кем-нибудь подъехать? Нужно его в клинику отвезти.

– Нет, – бормочет Косогоров, – никуда не хочу. Мне и тут хорошо, Олюшка.

– Кто бы сомневался, – хмыкаю я и отхожу к небольшому ларьку с мороженым. Покупаю самый обычный пломбир и, вернувшись назад, замечаю, что парни,

угостившие Косогорова дурью, далеко не ушли. Сидят на соседней лавке и делают вид, что рассматривают что-то в телефоне. Игуаны хреновы!

– Вот сейчас бы обнесли вас как липку, – бурчу я, протягивая мороженое Вадиму Петровичу. – Ешьте, должно полегчать. Молоко адсорбирует всю гадость.

– Вот откуда ты свалилась мне на голову такая... умная? – вздыхает он. – Где тебя только Кирилл откопал?

– Какая разница? – хмыкаю я. – В отличие от вас, я не употребляю запрещенные препараты и не торчу.

– Так я...

– И еще, – резко добавляю я, – мне и в голову не пришло выставить вас в дурном свете. Представляю, как бы народ порадовался, если бы стало известно о вашем пристрастии. Босс обкурился. Да кто, зная, что вас штырит, придет к вам морду ремонтировать?

– Оля, – противно тянет Косогоров, доедая мороженое, – я сейчас в транзит-отеле, и мне очень хорошо... Вылет опять задерживается... И со мной такая сладкая... маленькая...

– Возвращайтесь в реал, – обрываю я наркоманский бред. – Вон, уже Гена подъехал, – машу я рукой своему телохранителю. – Возьмитесь за сердце, что ли...

– Если только за твое, Олюшка, – бормочет Вадим Петрович. – А мне еще с Шевелевым сегодня встречаться, – стонет он и добавляет тоскливо. – Твою ж мать!

Гена приезжает не один, а с презентабельным красномордым мужиком, откликающимся на Вову.

– Сейчас за Робертом заедем, и домой, – бурчит, еле ворочая языком, Косогоров.

– Тебе бы в больницу, Вадим Петрович, – предлагает Вова. – Давай отвезу к нам в клинику, вызовем кардиолога...

– Пройдет, – отмахивается Косогоров. – Дома отлежусь... Оль, а ты с Геной за Робертом съездишь, да? Скажи ему, что собаку купим на выходные... – замечает он, поморщившись, потирая грудь.

– Конечно, – киваю я и всю дорогу на Оборонную, а потом и возвращаясь в Косогоровский особняк, думаю, что же привиделось Вадиму Петровичу в ядовитом дурмане.

«Транзит-отель, твою мать! – вздыхаю я, вспоминая собственные приключения. И ухватив горящие щеки обеими руками, гоню прочь надоедливые картинки, заботливо подкинутаые моей памятью.

И только поздно вечером, уложив Роберта спать, понимаю, что больше не могу сдерживаться. Выхожу на балкон и, усевшись в ротанговое кресло, закрываю глаза. Пытаюсь унять дрожь, охватившую тело, и будто наяву вижу своего мимолетного любовника. Загорелый мужик с темными волосами до плеч и нахальной улыбкой аккуратно сводит меня по ступенькам вниз. Я чувствую, как моя ладонь надежно покоится в широкой ладони. Поправляю сумку, спадающую с плеча, убираю прядь волос за ухо и корю себя «Что же ты творишь, идиотка?».

Но что поделать, если этот самый мужик привлек мое внимание сразу?

«Когда еще, как не сейчас? – отмахиваюсь я от собственной совести. Никому ничего не должна. С Кириллом мы разводимся. – Сразу как приеду, подам документы. Детей у нас нет, значит, брак должны расторгнуть быстро!»

– Ты случайно не замужем? – хрипло интересуется мой новый знакомый. – А то для меня замужние бабы – табу.

– Уже нет, – улыбаюсь я, считая развод с Кириллом делом решенным. – А ты не женат?

– Развелся пару лет назад, – ухмыляется он и, подойдя к стойке регистрации, объясняет портье. – Нам с женой нужен номер. Я оплачу сутки, а если ситуация с вылетом не изменится, продлю.

– Конечно-конечно, – бормочет тот и, забрав наши паспорта и деньги, выдает маленький ключик.

– Прямо как от коморки папы Карло, – смеется мой новый знакомый и, распахнув дверь, входит первым. Деловито осматривается по сторонам и зовет меня. – Добро пожаловать, кукленок!

Я делаю шаг в узкую темную комнату и чувствую, как последние силы покидают меня, осмотрительность тоже.

– Давай поваляемся, – предлагает мне мой новый приятель, – а потом поужинаем в итальянском ресторане, – бурчит, давно все решив. За себя. За меня. Он в полшага оказывается рядом и, зацепив пальцем за бретельку, осторожно спускает ее с моего плеча. Затем забирает у меня сумку и отбрасывает прочь. Тянет вниз вторую лямку, опуская топ все ниже и ниже, до самой талии. Совершенно спокойно расстегивает бюстгальтер и будто спелый плод взвешивает на ладонях каждую грудь.

– Какая же ты красotka, кукленок, – жарко шепчет мне на ухо и, наклонившись к моей груди, цепляет губами сосок. Слегка сжимает, не причиняя боли. И я чувствую, как меня пронзает электрический разряд. Красивые мужские пальцы скользят по груди, а язык облизывает сосок. И я снова чувствую себя растерянной и в то же самое время жду продолжения. Без лишних слов и эмоций. Просто секс с незнакомцем. Когда кроме физического наслаждения ничего не надо. Нет обязательств. Разговоров о любви и верности. Встретились и разошлись, навсегда запомнив моменты близости. Я запускаю пальцы в каштановые мягкие волосы и чувствую, как сильные руки приподнимают меня и укладывают на постель. Опытные пальцы поднимают вверх короткую джинсовую юбку и отодвигают в сторону белое кружево трусиков.

– Как тебя увидел, так сразу и захотел, – шепчет мне на ухо этот нахальный и невероятный мужик, проводя ладонью по...

Я вздрагиваю и открываю глаза. Смотрю невидящим взглядом на большой Косогоровский двор, ухоженные клумбы и газоны и пытаюсь взять себя в руки. Унять дрожь и избавиться от ярких назойливых воспоминаний. Сколько раз я прокручиваю в мозгах этот фильм? Сколько раз будто наяву вижу моего самого отпадного любовника? И как быть, если почти каждую ночь отдаюсь ему? Я честно пыталась забыть о нем и нашем двухдневном романе. Даже как-то раз сходила на свидание с Алексом. Но куда всем сосункам до этого типчика? Алексу, Кириллу, другим ровесникам! Никто не дотягивает. Харизмы не хватает и такого спокойного отношения к жизни, когда ты берешь все, что захочешь. И наигравшись, идешь дальше. Мы расстаемся не попрощавшись. Выходим из отеля любовниками, обедаем в ресторанчике и весело болтаем ни о чем. Но при регистрации на рейс получаем места в разных концах самолета. А прилетев домой становимся и вовсе посторонними людьми. Мой красавец-любовник, выйдя одним из первых, быстро получает багаж и уходит прочь. Я еще с минуту смотрю ему в спину и шепча про себя слова прощания. Все заканчивается, и мимолетный роман тоже. Но мне почему-то кажется, что меня использовали, а потом отшвырнули прочь. На душе становится гадливо.

«Но ладно, проехали! Зато есть, что вспомнить! Хоть предохранялись! – думаю я, вспоминая тот самый раз в душе, когда о защите забыли. Но я ни о чем не жалею. Вот ни капельки! Нужно жить дальше. Перестать прокручивать в своей башке фильмы с одним и тем же главным героем. И честно говоря, я уже не знаю, где правда, а где мои фантазии. И как разделить их друг от друга я тоже не представляю. Я вглядываюсь в темноту двора. Бесцельно пялюсь на белые светильники, расставленные по газонам и стараюсь выровнять дыхание.

«Спокойно, девочка, – шепчу я себе. – Спокойно. Все закончилось и обратно не вернется. Перестань мечтать и фантазировать. Ты же взрослая женщина и мать. Хватит вспоминать, Ольга, – приказываю самой себе и, решительно встав, иду в комнату. Любуюсь сыном, раскинувшимся посреди кровати.

«Солнышко родное, – умиляюсь я, глядя на спящего ребенка. – Моя самая великая драгоценность!»

Я всматриваюсь в нежное детское личико, легко касаюсь губами маленькой пухлой щечки. И, захватив с края постели халат, иду в ванную, намереваясь смыть с себя напряжение прошедшего дня, а заодно избавиться от дурацких фантазий и несбыточных надежд.

Глава 6

Вадим

Иногда мне кажется, что там, наверху, кто-то легкомысленно играет нашими жизнями, как Галка в Симсов. Сводит вместе совершенно разных людей, заставляет страдать и мучиться. Сколько раз за сегодняшний вечер я пытаюсь понять, какого хрена полез к Ольге с поцелуями? Зачем потом поперся на набережную, будто мальчишка выскочив из Мерса? И за каким лешим попросил у пацанов сигарету? Спасибо Ольге, вовремя сообразила и пришла на помощь. Любая другая цыпочка так бы колодой и сидела в машине. Ждала у моря погоды. А эта и про сердечный приступ придумала, и охрану быстро вызвала. На что рассчитывали мальцы, угостившие меня дурью? Могли дожидаться, когда поплыву, и обобрать до нитки. Часы, запонки, костюм...

Уже дома, наглотавшись энтерос-геля, я понимаю, как облажался! Да еще Ольге наговорил всякую хрень про транзит-отель! Ну, не идиот ли? Не мог сам справиться с накатившими эмоциями. Поделиться захотелось! Ну и правильно. Дурь немного ослабила мой внутренний контроль, и из всех щелей полезли крамольные мысли.

В тишине кабинета я пытаюсь отогнать от себя навязчивые воспоминания. Но разбитная девица с упругими, будто шары, грудками вновь будоражит мое воображение.

И только звонок айфона отвлекает меня от эротических фантазий.

– Да, – бурчу в трубку. – Привет, Игорек!

– Ты вроде к Левке сегодня собирался, – хмыкает старый друг. – Могу составить компанию. Хочешь?

– Не откажусь, – вздыхаю я, прекрасно понимая, что сам не справлюсь. Во-первых, всегда старался избегать людей, подобных Шевелеву, а во-вторых, я все еще под кайфом. Может, с непривычки сильно долбануло. Я с трудом

поднимаюсь с дивана и, пройдя в гардеробную, отделяющую мой кабинет от спальни, достаю светлые потертые джинсы и белую майку. Надеваю на запястье правой руки браслет с оберегом, а не левую – любимый Тиссот, и чувствую себя крутым перцем. Провожу пальцами по выпуклым косам браслета. Мало кто знает, но в случае опасности ювелирный шедевр превращается в нормальный такой кастет.

«Надеюсь, до драки не дойдет, – натужно вздыхаю я, направляясь к выходу. – Пальцы, блин! Мои золотые руки, и я просто обязан их беречь».

За окном уже смеркается, когда я выезжаю на встречу с Шевелевым. Я давно знаю этого типа, к тому же наслышан об необузданном характере и подлом нраве. Да и кто бы смог выстоять в девяностые, нажить и преумножить капитал? Кто еще? Только Игорь Пирогов! Я редко обращаюсь к нему за помощью. Но именно сегодня мне одному не справиться.

– Придем, послушаем и возьмем время на подумать, – учит он меня, поднимаясь по ступенькам Шевелевского ресторана. – Ничего не обещаю, но и на рожон не лезь. Понял?

Я киваю, входя вслед за ним в дверь, распахнутую швейцаром.

– Лев Сергеевич вас уже ждет, – подскакивает к нам услужливый метрдотель. – На второй этаж, пожалуйста!

Поднимаясь по лестнице, я мельком оглядываюсь по сторонам. Богатый кабак. Скульптуры между этажами, мраморные ступени... Дворец, блин! Но наверняка готовят отвратительно, а цены запредельные. Так чаще всего и бывает.

В небольшом белом зале с лепниной и камином стоит стол прямо под хрустальной люстрой. А по белой скатерти расставлены нетронутые закуски и выпивка. Значит, нас ждали. Уважают. В противном случае, пригласили бы к концу обеда и усадили за стол с грязными тарелками. Я вглядываюсь в тучную фигуру Шевелева. Замечаю обрюзгшую морду в красных пятнах и больные глаза. Левка смотрит на меня внимательно и лениво поднимается навстречу.

– Привет, хирург, – тянет он, тяжело приподнимаясь навстречу. Пожимает мне, а затем Игорю руки и бросает добродушно. – Вот и свиделись. Повод, правда, не

очень...

– Как ваша спина, Лев Сергеевич? – спрашиваю я, кивая на бок, откуда несколько десятилетий назад желторотым юнцом доставал пули.

– Да, нормально все, Вадик, – хмыкает Шевелев. – Бегаю как новенький. Ты тогда хорошо меня заштопал. И самое главное, никому не настучал. Что ж сына воспитал так плохо? – спрашивает он и широким жестом показывает на стол. – Составьте компанию, господа! Заодно и о делах потреплемся.

«Вот и как поступить? – лихорадочно думаю я. – Отказаться – обидеть Левку, и тогда события примут совершенно другой оборот. Согласиться – Шевелев и отравить может.

– А мы только из-за стола, Лева, – радостно сообщает Игорь, кривит и без того морщинистую, как у моржа, морду и хлопает себя по животу. – Ты ешь, а мы посидим рядышком, водички похлебаем.

– А потом по городу пойдут слухи о моей жадности. Вон, Вадик первый раз в жизни ко мне приехал, а я его и угостить не могу, – сокрушается Левка и смотрит на меня внимательно.

– Да, мы поели, – киваю я. – Уже не лезет.

– Ну, хоть по пятьдесят грамм за встречу, – упорствует Шевелев.

Я терпеть не могу такое вот настырное гостеприимство, но тут выбирать не приходится. Пан или пропал, как говорится.

И как только мы с Игорем рассаживаемся за столом, Шевелев дает знак официанту. Тот молниеносно понимает хозяина и разливает по хрустальным рюмкам беленькую. Вот только этого мне сейчас и не хватало. После сигаретки с дурью!

– Ну, за встречу, – бубнит Левка, и когда я тянусь к нему чокаться, не скрывая изумления, пялится на мой браслет. – Знаковая вещица, – заявляет он. – Откуда она у тебя, Вадим Петрович? Купил где-то?

– Нет, – мотаю я головой. – Он давно у меня. Лет с восемнадцати. Может, и не модный уже, но я ношу, как память о друге. Мы с ним со школы не разлей вода были. Вместе собирались в летное поступать. Я в медицинский пошел, а он на юрфак. Сгорел от рака лет десять назад, – печально бросаю я и чувствую, как от старой утраты вновь сжимаются скулы.

– Ты сейчас о Рудике Каминском говоришь? – уточняет Левка и смотрит на меня, не мигая.

– Да, о нем, – замечаю коротко. – Он моего Кирилла крестил.

– И мою Ленку, – криво усмехается Шевелев. – Хороший мужик был. Правильный. Моя правая рука. Даже не знал, что вы знакомы.

– Так он же меня к вам домой и привозил, – улыбаюсь я. Вот и браслетик пригодился. Хотя надевая его, я не рассчитывал на какие-то общие воспоминания с Шевелевым.

– Я тогда мало соображал, Вадик, – едко ухмыляется Левка. – Давайте помянем хорошего человека, – предлагает он, и я замечаю в его глазах слезы. Вишь, как проняло. Видать, что-то человеческое осталось в Шевелеве.

За Рудика я выпиваю до дна. Тянусь за соленым огурцом, закусываю, не поморщившись. Накладываю себе в тарелку холодец и горячее пюре. Ем, будто меня три дня не кормили.

– Тогда, Вадик, – обдумывая каждое слово, цедит Левка, – расклад совершенно другой. Ты пришел ко мне как добрый доктор, но посторонний человек. Но раз ты знал моего Рудика и дружил с ним, то и мне не чужой. А поэтому решим насчет долга так. Пусть твоя невестка поработает ротиком, и мы в расчете.

Я чувствую, как меня захлестывает волна ярости и возмущения. Был бы жив Рудик, вопрос бы решился совершенно иначе. И если бы Кириллу не пришло в голову положить болт на Леву...

«Гребаный экибастуз!» – мысленно рычу я, призвав на помощь всю свою выдержку, а вслух заявляю совершенно спокойно.

– А каков ценник для постороннего, Лев Сергеевич?

– Сам запал на девчонку? – хмыкает, догадавшись, Левка.

– Ольга – вдова моего сына и мать моего внука. Она не по этому делу. Тихая и скромная, как монашка. Да и какой с нее толк? Она же не профессионалка, Лев Сергеевич. Смазливая дурочка. Ничего не знает и не умеет. У нее-то и мужиков кроме Кирилла не было, – беззастенчиво вру я, лихорадочно соображая, какие еще доводы привести Шевелеву.

– А она ладненькая кобылка, – смеется он. – Мне понравилась. Познакомь меня с ней, Вадик. Может, породнимся.

– Не вопрос, – хмыкаю я. – Только потом, чур, без претензий. Но она же фригидная. Мне Кирилл жаловался. А сегодня велела охранника уволить. Не так, видите ли, он на не смотрит. Я выгнал, конечно. А то эти бабские истерики слушать неохота.

– А с виду так и не скажешь, – бурчит Шевелев. – Я ее с Кириллом как-то видел. Думал, она ему прямо в кабаке отдастся, – ржет он в голос и добавляет серьезно. – Тогда бабки, Вадик. Аванс мне Кирилл вернул и посчитал вопрос закрытым. А вот неустойка осталась, плюс проценты за пять лет.

– Э-э, подожди, Лева, – встревает в разговор Игорь. – Что за мансы между своими? Неустойку тебе Вадим заплатит, а проценты прости ему... Как своему. Видишь, он и Рудика знал.

Шевелев глядит на Петровича невидящим взглядом.

– Да ты, Пирог, вообще помалкивай. Картину эту Кирилл тебе сбагрил! Я точно знаю. Верни картину, закроем тему! – Я заплатил больше, а ты зажал, – довольно кричит Игорь Петрович и бьет себя по ляжке. – Обошел я тебя, Лева! Ох, обошел!

– А я у тебя бабу увел! – ржет Шевелев. – Анечку! В красном платье!

– Да не очень-то и хотелось, – ухмыляется Пирогов. – Ты от нее ничего не подхватил, Левка?

– Да пошел ты, – весело отмахивается Шевелев.

«Нет, нормально? – думаю я. – У них тут соревнование «у кого член больше», а мне отдуваться. Бабки платить, невестку на ночку отдать. Фигушки! – внутренне огрызаюсь я, понимая, что эта самая перепалка дала мне возможность собраться с мыслями.

– Пять лет прошло, Лев Сергеевич, – замечаю я как бы между прочим. – Рудик, будь он сейчас с нами, посоветовал бы вам списать этот долг за истечением исковой давности. По Российскому законодательству – три года.

– А по понятиям? – добродушно, но настороженно рыкает Шевелев.

– И по понятиям тоже. Предоплату Кирилл отдал, неустойку я заплачу в размере аванса. И разойдемся с миром. Если понадобится моя помощь как специалиста, я всегда к вашим услугам.

– Хорошо, – кивает Шевелев. – Меня такой расклад устраивает. Жаль, конечно, что Ольгу мне отдать не желаешь...

– Это исключено, – резко мотаю я головой. – Она – член моей семьи, а не какая-нибудь шалава.

– Сам, небось, ей вдуть хочешь, – ржет Шевелев, и хотя он недалек от истины, я еле сдерживаю себя, чтобы не надеть ему на голову салатник с оливье.

– Кстати, – говорю я, желая сменить тему. – Отцы города, – демонстративно оглядываю обоих авторитетов, – у нас появился какой-то маньяк. Вы в курсе? Уродует баб, представляясь пластическим хирургом. Некто Виктор Оноре. Люди платят бабки, а из них инвалидов делают.

– Впервые слышу, – рявкает Шевелев. – Таким гадам в нашем городе не место.

– Вот и я о том же, – киваю я. – Прославимся на всю страну как родина вурдалака.

– Ну, если народ к нему идет, – задумчиво тянет Игорь, – то кто мы такие, чтобы вмешиваться. Если так называемый доктор практикует в подворотне, а какой-то идиот приходит туда на операцию, то лично мое дело сторона. Один ублюдок, другой – дурак!

– А если твоя Лизка к нему попадет? – с усмешкой хмыкает Лева. – Или любая нормальная баба... Овца молодая без денег. Нет, этого уродца нужно остановить. Спасибо, что сообщил, Вадим Петрович, – кивает он, привставая. Жмет мне руку и добавляет как бы между прочим. – За деньгами завтра кого-нибудь из парней пришлю...

– Нет, – мотаю я башкой, так кстати вспомнив советы Рудика. – Я сам заеду и лично вам из рук в руки передам.

– А ты прошаренный, доктор, – хохочет Шевелев, плюхаясь обратно на стул. Берет с блюда кусок запеченной курицы.

«Если ты так будешь трескать, Лев Сергеевич, – думаю я, выходя из ресторана, – то мне отдавать долг не придется. Инсульт тебя хватит, дорогой мой человек!»

– Зря ты вот так сразу согласился, – бубнит по пути домой Игорь. – Нужно было поторговаться!

– Бесполезно, Петрович, – морщусь я. – Он запал на Ольгу и только большими бабками ее удалось снять с крючка.

– Ну, ты же понимаешь, что это временно. Кто она тебе? – бурчит он, внимательно глядя на меня, и пока я включаю зажигание и трогаю машину с места, отвечает сам себе. – «Да никто! Бесхозная телка!»

– Она – мать моего внука, – механически сообщаю я, выезжая на проспект. – Ольга, в конце концов, Косогорова!

– Ты думаешь, Левка об этом не знает? – изумленно восклицает Петрович. – Но когда Шевелев что-то решил для себя, то обязательно сделает. Понимаешь? Он все равно вставит Ольге. Хочешь ты того или нет. Деньги твои к рукам приберет и выждет немного. А при первой возможности воспользуется моментом. Ты же

догадался, из-за чего весь сыр-бор... Может, он и Кирилла того... – тяжело вздыхает Пирогов, и в эту минуту я понимаю, что хочу треснуть по башке друга семьи. Или в глаз зарядить кулаком.

– Хорошо, – киваю я. – Что ты предлагаешь? Отправить Ольгу обратно в Шотландию?

– Он теперь знает, где она прячется. И там ее отыщет. Не он сам, так его люди. Держи в доме под замком. На улицу пусть выходит с охраной. И пацана охраняй как зеницу ока. Левка – подлый тип.

– Я к ней телохранителя приставил, – рычу я. – Теперь точно глаз с нее не спущу. Навязалась на мою голову телка непутевая!

– Левка прав, признайся! Ты ее хочешь, Вадька! Снова мечтаешь ей вставить по самые гланды. Небось, вспоминаешь, как шпилились в Тае? – хохочет он, а вот мне самому не до смеха.

Сжимаю руль крепче и внимательно смотрю на дорогу. Торможу на первой же свободной парковке.

– Игорь, – серьезно глядя на друга, говорю вкрадчиво. – Веселье по этому поводу неуместно. Когда я трахался в транзит-отеле с хорошенькой телочкой, то даже подумать не мог о последствиях. В душе не ведал, кто она такая. И как ты понимаешь, фамилии не спрашивал. Мы провели вместе два классных дня. Поднимались наверх лишь пожрать. Трахались как кролики. Но мне тогда остро нужна была женщина. Я поманил первую попавшуюся красотку, и она с легкостью согласилась. А потом через неделю после прилета узнаю в ней жену своего сына. Это нормально? Как ты думаешь, мне легко жить, зная, что я отымел собственную сноху? Тем более теперь, когда Кирилл разбился...

– Ты сказал ему? Ну, тогда, в ресторане...

– Конечно. Только без подробностей. Но мой сын лишь отмахнулся. Правда, свадебные деньги забрал, – усмехаюсь я и тут же замолкаю, ловя себя на очень странной мысли. Сумма моего свадебного подарка практически совпадает с авансом. Интересное кино!

– Кирилл сразу же и развелся с Ольгой, – тянет задумчиво Петрович. – Значит, Кирюха удостоверился в твоих словах и прогнал шалаву прочь. Не понимаю, почему ты ее не уступил на вечерок Шевелеву.

– Я не торгую женщинами, – отрезаю я, снова заводя двигатель. – Пока Ольга под моей защитой, никто к ней пальцем не прикоснется. Это понятно? – завожусь я.

– Да мне-то что! – весело хмыкает Пирогов. – У меня Лизка есть!

– Вот и славно, – тяжело вздыхаю я, выруливая в крайний левый ряд. – Главное, нам удалось убедить Шевелева. Кажется, он поверил, что моя сноха – монашка хренова.

– Вот-вот, – кивает лысой башкой Игорь. – Запри Ольгу дома. Заставь ее носить пояс верности. Я в музее видел такие железные труселя с замочком. Закажи умельцам, может, кто сделает... Или из кожи... – ржет он и осекается, наткнувшись на мой злой взгляд. – Не сердись, Вадимка, – хмыкает добродушно. – Завтра тебе охрану дам. Кабы Левка не перестрял тебя и не потребовал деньги еще раз. Мутный тип, ох, мутный.

А вернувшись домой, я первым делом поднимаюсь в личный кабинет. Бреду к сейфу и, достав все содержимое, пересчитываю наличность. Денег хватает в обрез.

«Дорого ты мне обходишься, Оленька, – рычу я, складывая бабки обратно в сейф. – Ох, и дорого!»

Совпадение сумм не дает мне покоя.

«Хорошо бы поговорить с Ольгой, – решаю я, спускаясь с третьего на второй этаж, полностью отданный Роберту и его маме. – А заодно предупредить о поползновениях Шевелева. И вообще, нужно поставить условия этой красавице. Пока Левка не успокоится, ни с кем не трахаться. Хватит, доигралась куколка!

Остановившись посреди холла, я внимательно прислушиваюсь. Тишина. Заглядываю в спальню, но там только внук, разметавшийся по кровати. А самой

Ольги нигде нет.

«Куда же ты делась, сноха моя ненаглядная?» – думаю я, озираясь и прислушиваясь, словно медведь на опушке. Кажется, в ванной полилась вода из душа.

Я выхожу обратно в холл и, подойдя к двери ванной комнаты, прислушиваюсь.

«Так и есть, моется, зараза», – фыркаю я и усаживаюсь в кресло неподалеку. Разговор серьезный, и я его откладывать не намерен. В полумраке комнаты меня клонит в сон. И чтобы не заснуть, я включаю торшер. Прикрываю глаза от яркого света и сразу же вижу небольшой санузел, выложенный белой невзрачной плиткой. Чувствую, как струи теплой воды падают мне на голову и плечи, но не обращаю на них никакого внимания. Прижимаю к стене податливое тело и, придерживая разомлевшую девчонку за бедра, медленно и методично двигаюсь внутри нее. Слышу каждый ее стон и свое утробное рычание. Не спешу, желая получить кайф от последнего соития. Запомнить ощущения. Отнести куда-то в копилочку наш случайный секс, поставив кукленку «Отлично» в виртуальную зачетку. В тот момент я на сто процентов уверен, что пройдет неделя-другая, и я навсегда забуду ее лицо. Зато буду долго помнить вот этот самый небывалый кайф и снова чувствовать, как тепло разливается по всему моему телу.

– Вадим Петрович? – Ольгин голосок заставляет вернуться в реал. Она стоит напротив и озабоченно смотрит на меня. – Вам плохо? Или вы опять накурились?

Глава 7

Ольга

– Вадим Петрович? – с вызовом говорю я, ужаснувшись собственной наглости. – Вам плохо? Или вы опять накурились?

– Мне хорошо, Оленька, – тянет он, не скрывая сарказма, и в ту же секунду оказывается рядом. Нависает надо мной темной тенью. Сглатываю слюну. Хочу отступить в сторону и потуже завязать пояс на махровом халате, под которым

нет ничего. Но не успеваю. Сильные руки Вадима припирают меня к стене. Губы скользят по коже: щека, шея... Без разницы. – Нам нужно поговорить, кукленок, – жарко шепчет он, как когда-то в Тае. – У меня из-за тебя неприятности...

Честно говоря, я не понимаю ни слова.

«О чем вы?» – так и хочется закричать, но растерянно молчу. И так за сегодня достаточно нахамила. Его руки медленно скользят по моей шее, затрагивая эрогенные точки за ушами. Помнит гад, как я быстро возбуждаюсь. Не к добру это.

Я пытаюсь высвободиться из захвата Косогорова, но не получается. Чувствую жар его дыхания и руки, хватнически исследующие мое тело и подбирающиеся к груди. Но нет. Вадим меняет тактику. Приподнимает полы халата и пытается ухватить меня за бедро. А там дело останется за малым. Уворачиваюсь в сторону. И моя плоть, смазанная кремом, выскальзывает из рук хватчика. Вадим замирает в растерянности. Всего секунда. Но мне хватает времени, чтобы, изловчившись, дерзко поднять колено и хорошенько врезать по яйцам.

И пока Косогоров стонет, придерживая одной рукой свое богатство, а другой пытаюсь поймать меня, я опрометью несусь в спальню и закрываю за собой дверь. И только сейчас, к своему безотчетному ужасу, понимаю, что задвижка... щеколда... элементарный крючок, твою мать, в этом доме не предусмотрены.

Молча прислоняюсь к двери и все еще надеюсь, что Вадим Петрович не станет ломиться ко мне в комнату. Тут все-таки Роберт спит!

Я слышу, как вниз опускается ручка, и наваливаюсь на дверь всем телом. Что еще взбредет в голову этому человеку?

– Ольга, – слышу его глухой шепот. – Нам нужно поговорить. Я ездил к Шевелеву. Ситуация опасная. Я беспокоюсь...

«Ага! Сейчас шнурки поглажу! – мысленно усмехаюсь я, чувствуя, как по щекам текут слезы. – Хватит... наигрались!»

– Завтра, Вадим Петрович, – шепчу я, стараясь не разрыдаться. – Сейчас нам не стоит встречаться снова.

– Хорошо, – хрипло бросает он. – Сразу после завтрака приходи ко мне в кабинет.

– Ладно, – шепчу я, наивно полагая, что при свете дня Косогоров сможет сдержаться и не завалит меня на диван.

Я слышу удаляющиеся шаги и, подождав еще несколько минут, осторожно выглядываю в коридор.

«Если Вадим хочет, чтобы мы жили в его доме, пусть поставит замки на двери, – думаю я, ложась в постель. Закрываю глаза и стараюсь не вспоминать об отце Кирилла. Но снова вижу грузинский ресторан в центре города. Накрытый стол и мужчину в белом свитере. Меня немного сбивает с толку модельная стрижка. Но сама поза, фигура, загар среди зимы и этот странный браслет из перевитых серебряных кос.

Через зал ресторана «Гиви-Сациви» я иду в обнимку с Кириллом и до последней секунды молюсь «Пронеси, Господи!». Но мой бывший муж подходит именно к этому красавцу, по-хозяйски сидящему во главе стола, и бубнит деловито.

– Познакомься, папа, это моя Оля...

Мой мимолетный любовник, представившийся в Тае Павликом, пялится меня насмешливым взглядом, а потом, кивая на заставленный блюдами стол, лениво бросает.

– Угощайся, Оленька. А нам с сыном нужно поговорить, – и в одночасье уводит Кира.

«Добром это не кончится», – мысленно вздыхаю я и сперва собираюсь бежать следом. Объяснить Кириллу, поговорить с Павликом... то есть с Вадимом. Но любовь к грузинской кухне перевешивает. Я сажусь за стол и накладываю себе на тарелку лобио и пхали. Потом достаю кусочки шашлыка, заботливо укрытые лавашом. Жую, не чувствуя вкуса, и в глубине души догадываюсь о праведной речи товарища «Павлика».

«Хорошо, хоть мы с Киром разводимся, – хмыкаю я, поедая хачапури по-аджарски. – Я пришла сюда поесть и заработать», – думаю, зачерпывая из общей салатницы какое-то острое блюдо. Единственная мысль, которая меня пугает – кто платит за этот банкет, улетучивается с приходом Кирилла.

– Мой папаша в своем репертуаре, – весело отмахивается Кир. – Наговорил гадостей, отдал бабки и свалил. Видать, куда-то еще намылился. Ну, хоть хавчик оплатил, и на том спасибо! – хмыкает он, налегая на еду. А потом переводит задумчивый взгляд на меня. И заметив мою растерянную физиономию, спрашивает недоуменно. – Он прав? Вы действительно трахались?

– Да, – киваю я и, кажется, сейчас провалюсь от стыда. – В Тайланде. В аэропорту. Пока двое суток рейс ждали, познакомились... Он представился Павликом.

– Вадики-Павлики, твою мать, – фыркает Кирилл, и я вижу, как его красивое лицо искажает непритворная боль.

– Мы уже расстались, Кирилл, – шепчу я, всхлипывая.

– Да ладно, не реви, – морщится он и зовет официанта. – Собери нам все в пакеты, брат.

Кир привозит меня к себе на квартиру, которую еще месяц назад я считала своим домом и где до сих пор лежат мои вещи.

– Оль, – зовет меня бывший муж. – Может, не будем разводиться, а? Мне без тебя скучно. Мы же так классно жили. Ну, какая разница, как я зарабатываю? Давай, ты мне простишь мое маленькое хобби, приносящее нехилые бабки, а я забуду про жаркую ночь в транзит-отеле Бангкока. Идет?

– Нет, – мотаю я головой, будто пьяная. – Я твоего папашу теперь десятой дорогой обходить стану. Ужасная ситуация, Кир! Мне и в голову не пришло... Мы расстались. Я считала себя свободной.

– Я понимаю, Олька, – расстроено тянет Кир. – Все понимаю, но в башке пока не укладывается. Ты и мой отец! Фигня какая-то! Зачем я только отпустил тебя в

этот проклятый Тай! Зачем вообще позволил уйти! Может, и нужно порвать с антикваркой. Закончить универ и устроиться в банк. Просиживать в кресле целый день...

– Ты не сможешь, – шепчу я сквозь слезы. – А я не смогу жить с тобой и знать, что дала собственному свекру. Мне сейчас тошно, Кир. Дальше только хуже будет... Мне лучше уехать...

Кирилл хмуро оглядывает меня. Сжимает кулаки до белых костяшек.

– Я надеялся, ты развеешься в Тае и передумаешь разводиться. Но теперь ситуация просто невыносимая. Хотя... я отца вижу раз в полгода. То он работает, то отдыхает. А иногда спасает мир. Бэтмен хренов...

Я удивленно пялюсь на бывшего мужа и боюсь обронить хоть слово. Шутка такая, что ли? Да и кого может спасти пресыщенный жизнью мажор? Он же побоится разбить свой Ролекс или очки в дорогой оправе. Или повредит выпендренный браслетик... Кирилл тяжело вздыхает, и я вижу, как на скулах играют желваки. Бывший муж садится рядом и, взяв мою руку в свои, бурчит нехотя.

– Отца иногда просят провести сложные операции. И он может бросить все и улететь куда-нибудь в Лесото или в Мозамбик. Сейчас уже крайне редко, а вот в моем детстве он в Африке несколько лет проторчал. Людей спасал в горячих точках. Герой, конечно, – морщится Кир, – но такое долгое отсутствие сыновней любви не прибавило. – Подумай хорошенько, Оль, – просит он, нагнув ко мне коротко стриженую голову. – Я подожду пока. А ты отнесись к вопросу серьезно. Ребенка родим. Я буду хорошим отцом. Обещаю.

– Точно? – сквозь слезы улыбаюсь я и неожиданно понимаю, почему клюнула на папашу. Кирилл с Вадимом похожи. Одинаковые широкие фигуры, высокий рост, манера держаться. Вот я и выбрала на свою голову! И что теперь делать? Остаться с Киром или все-таки идти дальше? – Но почему ты сразу не решился бросить антиквариат? Думал, что я привыкну? – спрашиваю я в отчаянии. Останься я дома, никакого бы романа не случилось!

– Да лоханул я, – негодуя бурчит Кир, всплескивая руками. – Думал, вернешься, и мы помиримся. Но ради тебя, Ольга, я готов бросить антиквариат.

Только останься, слышишь. И отцом никогда не попрекну. Скажи «да», милая, – просит он, целуя меня. – Он к нам никогда не сунется. И никому не скажет. Сделает вид, что вы с ним не знакомы. Но ты же переживешь, правда?

– Глаза бы мои его не видели, – тяжело вздыхаю я и прислушиваюсь к внутренним ощущениям. Я понятия не имею, люблю ли я Кирилла, и что вообще значит любить кого-то? Мой отец давным-давно ушел из дома к богатой женщине, у которой работал водителем. Если там и была любовь, то только к деньгам. Мама замуж так и не вышла. Бабушка с дедом жили как кошка с собакой и всю жизнь ругались по любому поводу. Это и есть любовь? С Кириллом мне хорошо. Легко и свободно дышится. Только все дурацким образом уперлось в криминал. И если бы он сразу решился расстаться со своим так называемым хобби, я осталась бы с ним. А теперь?

– Соглашайся, – бурчит Кирилл. – Давай начнем все заново, Оля! Ну, не можем же мы расстаться по дурости?

Муж опускается передо мной на колени. Целует сначала руки, потом, задирая подол, разводит в стороны бедра.

– Нам с тобой так хорошо, Оленька, – шепчет он и смотрит на меня внимательно. И как только я слабо киваю, сдирает с меня колготки и трусики.

– Подожди, – шепчу я. – Кир, пожалуйста!

Муж выжидательно смотрит на меня и, насилу оторвав взгляд от моей киски, бросает раздраженно.

– Ну что еще, Оля?

– Что ты сказал отцу? – спрашиваю я нерешительно. – Ты же понимаешь...

– Спросил только про методы защиты и закрыл тему.

– А про развод?

– Не сказал. По факту мы еще муж и жена. А на его мнение я плевать хотел. Он, конечно, запал на тебя. Да и кто бы остался равнодушным... Вот пусть теперь в сторонке облизывается. Козел! – рычит Кирилл и, скривившись, добавляет. – Все. Оля. Разговор закончен. У меня к тебе претензий нет. Мой папа, если ему приперло, убедит кого угодно. Ему телку склеить минут десять нужно. Вот и ты попала в сети старого паука, – вроде бы равнодушно говорит он, а потом переходит на крик. – Я не могу тебя потерять, слышишь?! Я люблю тебя!

Я соскальзываю с дивана и, упав на колени, попадаю в объятия Кирилла. Муж прижимает меня к себе и бормочет всякие нежности. А я, положив голову ему на грудь, реву белугой. Умом я понимаю, что нужно уходить. Разбитую чашку не склеить. Может, сразу и не скажет ничего. Но и не забудет, а потом обязательно припомнит. Но дикий страх остаться одной, попасть в паутину вот к таким «Вадикам-Павликам», напрочь заглушает доводы рассудка. Я плачу, прижавшись к Кириллу, и тихо причитаю, что недостойна его. И теперь уже все станут считать меня пропащей девкой. А уж свекор точно настроит всех родственников против.

– Да ладно! Папа мало с кем из родни общается. Он, конечно, станет обливаться тебя высокомерием и презрением, но это его обычное состояние. И мне, и маме достается постоянно. А уж бабушка Тоня у него вообще монстром была. И если мне нужно отречься от отца ради тебя, я сделаю это с легкостью.

– Нет, не надо! – кричу я. – Он же все-таки твой отец! Так нельзя!

– Сам знаю, – фыркает Кирилл. – Да ну его, – отмахивается он от неведомого Вадика-Павлика и осторожно опускает меня на пушистый ковер. – Я измучился без тебя, Олька, – рычит он, вставая между моих бедер.

Я вздыхаю, стараясь не разреветься. Открываю глаза и в свете тусклого ночника смотрю на сопящего рядом Роберта.

– Малыш мой дорогой, – шепчу я и, не в силах сдержаться, утыкаюсь носом в подушку. О чем я плачу? От безнадёги, наверное. Я таки попала в сети старого паука, и фиг отсюда выберешься. Нужно, наверное, поспать, а не ворошить прошлое. Запутанное и до сих пор непонятное. Попытаться вернуться обратно в Эдинбург.

«А если Шевелев тебя убьет, с кем останется Роберт?» – подает голос потаенный страх. И остаток ночи я гляжу в потолок сухими глазами и пытаюсь понять, как поступить дальше.

«Ссориться с Вадимом нельзя. Кто еще обладает реальной силой и деньгами? Кто еще способен обеспечить безопасность мне и моему сыну? Здесь, за высоким забором, я могу чувствовать спокойно и иногда выезжать в город с охраной. Но кто поручится за жизнь русской эмигрантки, снимающей коттедж на краю города? Куда в случае моей гибели определят Роберта? И сможет ли мама забрать его у имперского правосудия? Захочет ли? Да и тягаться в одиночку с ювенальной системой Великобритании даже Косогорову не под силу. Я поворачиваюсь к сыну, отбросившему прочь покрывало, и снова люблюсь своим малышом. В который раз благодарю бога за этот священный дар. Именно мне достался самый чудесный мальчик в мире.

«Я смогу. Я справлюсь, сыночек, – в предрассветных сумерках клянусь я и, как только первые лучи солнца золотят окна Косогоровского особняка, проваливаюсь в глубокий черный сон.

А поздно утром просыпаюсь от самой настоящей качки. И в первую минуту не пойму, где нахожусь.

Роберт радостно прыгает на кровати и, увидев, что я проснулась, плюхается рядом.

– Ну, наконец-то, – вздыхает он как взрослый и добавляет жалостливо. – Мама, я кушать хочу.

– Да, милый, – охаю я и, подхватившись с кровати, лечу в ванную. Наскоро переодеваюсь и, умывшись, сворачиваю волосы в самый простой узел. И только по дороге на первый этаж вспоминаю об указании свекра явиться к нему в кабинет сразу после завтрака.

Твою ж мать! А на мне леггинсы и майка. Даже бюстгальтер надеть забыла!

«Ладно, пронесет, – думаю я, входя в пустую столовую. Экономка Аня, завидев нас, торопливо жарит оладьи. А я, расставляя тарелки себе и Роберту, бросаю

взгляд на часы. Половина одиннадцатого. Мой дорогой свекор уже должен отчалить на работу. Ну там, кому нос отрезать или пенис дорастить...

Усевшись за стол, Роберт болтает ногами и что-то рассказывает мне и Анне про собаку, обещанную дедом.

«Как всегда, очаровал и бросил, – думаю я раздраженно, и как только домработница ставит на стол блюдо с румяными оладьями и сметану, на пороге столовой возникает сам Косогоров.

– Налей-ка и мне чая, Аня, – просит он, садясь рядом с Робертом. Краем глаза я наблюдаю, как маленькая толстая женщина мечется из столовой в кухню, как спешит обратно с подносом, на котором дребезжат мелодичным звоном чашки и стоит большой пузатый чайник с нарисованным на боку фазаном. Такой мужской и самодостаточный в своей простой красоте. Я перевожу взгляд на Вадима Петровича. Он совершенно спокоен, в отличие от меня. Белый свитер, черные широкие штаны и снова этот дурацкий браслет.

Завтрак проходит в полном молчании. Вернее, Роберт болтает, а я ему односложно отвечаю. Косогоров же добродушно наблюдает за нами. Жует свои оладьи и запивает их чаем из большой чашки с таким же рисунком, как и на чайнике.

– Мы договаривались поговорить после завтрака, – вежливо бросает Вадим, вытирая губы салфеткой. – Жду тебя через пятнадцать минут, – замечает он строго и, поблагодарив Анну, замершую около двери на в кухню, собирается уйти прочь.

– Дедушка, – не выдерживает Роберт. – А когда мы поедем за собакой?

– Нам с твоей мамой нужно решить один вопрос, – улыбается ребенку Косогоров. – Это займет примерно час. Ты можешь пока поиграть или выйти с Анной Ивановной в сад. Там качели...

– Здорово! – пыхтит мой маленький мужичок. – Качели! Как же давно я на них не катался!

– Сначала доешь, – усмехается свекор. – Кто плохо ест, того собаки не слушают.

– Правда? – разочарованно спрашивает Роберт и признается. – А я кушать не люблю. Линда меня обычно ругает...

– А кто это? – удивленно спрашивает Косогоров.

– Моя воспитательница, – тяжело вздыхает Роберт. – Мне Линда не нравится. Она разговаривает шепотом и все время сердится на меня и других детей. На тебя, дедушка, она бы тоже заругалась, – замечает малыш.

– За что? – смеется Вадим Петрович. – Я хорошо кушаю, Роб.

– Ты держишь руки в карманах, – заявляет маленький нахал. – И когда пил чай, не поставил чашку на блюдце!

– Никого она не заругает, эта твоя Линда, – довольно хмыкает свекор. – А знаешь, почему? – состроив наивную физиономию, переспрашивает он Роберта.

– Почему? – доверчиво интересуется малыш, не подозревая, что уже угодил в ловушку.

– Мы с тобой живем здесь. А эта твоя Линда навсегда осталась в Шотландии.

– Получается, мы никогда-никогда туда не вернемся? – испуганно спрашивает Роберт и, соскочив со стула, с разбегу утыкается лицом мне в колени. – Мамочка, скажи, что это неправда! – плачет он. – Ты же говорила, что мы проведем бабушек и вернемся...

Я бросаю укоризненный взгляд на Вадима. Но тот, раздраженно всплеснув руками, уже выходит из столовой.

– Мне никакая собака не нужна, – всхлипывает сын. – Я хочу домой. Давай вылечим старенькую бабушку и уедем. Пожалуйста, мамочка! Там же мои друзья и Берта. Мы не можем бросить ее, ведь правда же...

– Конечно, милый, – шепчу я, глядя белобрысую вихрастую голову, – Конечно, мой любимый.

И честно говоря, не знаю, что ответить сыну. Как объяснить происходящее? И как из Эдинбурга привезти нашу толстую и сварливую корги?

Глава 8

Вадим

Честно говоря, за те несколько дней, что Ольга с сыном провела в моем доме, у меня развился комплекс неполноценности. С этой женщиной я постоянно попадаю впросак. Теперь вот и ребенка расстроил. Не в силах утешить Роберта или что-то ему объяснить, я покидаю столовую и, войдя в кабинет, подхожу к окну. За широкими французскими створками виднеются зеленый газон и сад неподалеку. Я кошусь на часы. Ольгу ждать еще рано. Пока она успокоит сына, пока подготовит обличительную речь для меня. Но сегодня выходной, и есть время подождать эту несносную женщину. Открываю створку и, шагнув во двор и лишь на минутку замираю около сочной изумрудной травы. А затем скидываю шлепанцы, или, как их теперь называют, мюли, и босыми ногами ступаю на газон. Тоненькие стебельки приятно щекочут ступни, а я, вдохнув полной грудью свежего воздуха, чувствую себя беззаботным как мальчишка. Проблем, конечно, выше головы. Но хочется хоть на минуту отбросить их в сторону и подставить лицо ласковому утреннему солнцу. Сделать парочку медитаций для хорошего здоровья и настроения. Раздумывая, с какой бы начать, я лениво пялюсь на сине-голубое небо и облака. И как только занимаю исходное положение – голова опущена вниз, а колени расслаблены – сзади слышится голос внука.

– Дедушка, дедушка...

Общение с Робертом лучше всяких медитаций. И это бесспорный факт. Я поворачиваюсь к маленькому мужичку, несущемуся ко мне по траве, затем замечаю Ольгу, осторожно выходящую из моего кабинета.

– Не помешаем? – спрашивает она, улыбаясь через силу. – Вы же хотели поговорить. Вот только Роберт не желает меня отпускать от себя. Еле успокоила. Так он расстроился из-за Берты. Это наша корги. Я ее приютила в первый год жизни в Шотландии. Она уже тогда была сварливой и немолодой. Но Берта очень любит Роберта, а он платит ей тем же.

– А с кем она осталась сейчас? – интересуюсь я, щурясь на солнце. Как будто мне есть дело до какой-то собаки в Шотландии. Наблюдаю, как легкий ветерок колышет Ольгины волосы. Как солнце золотит ресницы. Усилием воли сдерживаю инстинктивный порыв провести пальцами по тонким Ольгиным прядкам. Чувствую шевеление в штанах и, дабы вернуть разговор в безопасное русло, равнодушно осведомляюсь.

– А как ты вообще попала в Эдинбург?

Моя сноха пожимает плечами и бросает равнодушно.

– У жены отца там собственность. На семейном совете было решено меня туда отправить. К тому моменту, как у Терезы настали трудные времена, и она продала дом, я родила Роберта, получила вид на жительство и стала снимать квартиру, – объясняет она добродушно, но я замечаю, как на секунду на красивое и нежное личико ложится хмурая тень.

– Тереза? – переспрашиваю удивленно. – Ты имеешь в виду Разуваеву?

– Да, Тереза Терентьевна, – кивает Ольга.

– Я ее знал когда-то, – улыбаюсь я. Речь идет о моей клиентке. Одной из первых. Маленькой щуплой бабенке с длинными густыми русыми волосами, доходившими чуть ли не до задницы. Нежадной и болтливой. Растрезвонившей на каждом углу о замечательном докторе Косогорове. Я тогда только начинал работать как пластический хирург, и рекомендации Терезы пришлось как нельзя кстати. Да и сама Разуваева мне по-человечески нравилась. Веселая, с цепким умом и адской интуицией, она совершенно не походила на солидную бизнес-леди. Носила огромные каблуки и мини-юбки. Лихо подводила глаза черными стрелками и каждые полгода улучшала внешность. Губы, сиськи, липосакция, алмазные нити, круговая подтяжка лица... Благодаря постоянному тюнингу ей удалось долгое время выглядеть молодо, а мне – собрать необходимую

клиентуру и открыть собственную клинику. – Тогда получается, я и твоего отца знал, – хмыкаю я, вспомнив о красавце Коле. Среднего роста, ладный мужик, он частенько соглашался с женой, но при этом всегда держался с достоинством.

– Тереза полгода назад погибла в автокатастрофе. А сейчас от рака сгорает отец, – нехотя бросает Ольга. И я понимаю, как ей, наверное, тяжело.

– Я почти не знаю его, – словно оправдывается она. – Мы почти неделю тут, а я все никак не могу себя заставить к нему поехать. Понимаю, что надо. Но он для меня совершенно посторонний человек. Тогда, пять лет назад, Тереза настояла на моем переезде в Эдинбург. А папа, как обычно, остался в стороне...

– Тебе решать, – усмехнувшись, отмахиваюсь я. Только чужих проблем мне не хватало. И задумчиво смотрю на Роберта, наворачивающего круги по газону. – Он мой? – неожиданно выпаливаю тот самый вопрос, который все пять лет мучает меня, и который я боюсь задать даже самому себе.

– Роберт? – Ольга передергивает плечами и бросает холодно. – С чего вы взяли? Он – сын Кирилла. И пожалуйста, хватит инсинуаций, – отрезает Ольга да еще смотрит сердито.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/volkova_viktoriya/snoha

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)